

INSPIRIA

Алма Катсу

ГЛУБИНА

INSPIRIA

Алма Катсу

Глубина

Серия «Universum. Дом монстров»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67132152

Глубина / Алма Катсу ; [перевод с английского К. Гусаковой].: Эксмо;

Москва; 2022

ISBN 978-5-04-164865-7

Аннотация

Говорили, что этот лайнер роскошнее, чем любой из существующих кораблей. Говорили, что он непотопляем. Но «Титаник» затонул в первом же плавании, и ещё прежде, чем корабль столкнулся с айсбергом, на борту его творилось нечто зловещее... и потустороннее.

Энни Хеббл пережила гибель «Титаника». Она годами пыталась оправиться от произошедшего – не только от катастрофы. Она хотела забыть об ужасах, творившихся на борту лайнера, но прошлое невозможно стереть. На борту плавучего госпиталя «Британник» Энни придётся погрузиться в страшные воспоминания. Ведь «Британник» – близнец «Титаника», и кошмар повторится вновь...

Книга основана на реальных событиях!

Хвалебные отзывы Сары Пинборо ("В её глазах"), Джоша Малермана ("Птичий корабль") и других именитых авторов.

Книга получила заслуженное признание у читателей на Западе, множество оценок на Goodreads и Amazon. Номинации на премию Брэма Стокера и премию Локус.

Содержание

1916	9
Глава первая	13
Глава вторая	27
Глава третья	32
1912	50
Глава четвертая	50
Глава пятая	72
Глава шестая	80
Глава седьмая	89
Глава восьмая	91
Глава девятая	112
Глава десятая	116
1916	124
Глава одиннадцатая	124
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Алма Катсу

Глубина

*Посвящается памяти
душ, погибших во время трагических крушений
«Титаника» и «Британника»*

Alma Katsu
THE DEEP

Copyright © 2020 by Glasstown Entertainment LLC; and
Alma Katsu

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition published by arrangement with G.P. Putnam's Sons, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского *Ксении Гусаковой*

© К. Гусакова, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Падение на миг кажется чем-то совершенно иным – кратким, безумным проблеском свободы.

Но поверхность является слишком быстро, разбиваясь вдребезги о ее кожу пеленой стекла, вышибая из легких воздух. Или, может, это разбилась она сама. Она уже словно и не человек вовсе, не цельное существо, а летящие сквозь тьму фрагменты. Жжение в легких становится невыносимым; разум прекращает сопротивляться, уступая место боли.

Сквозь холод приходят странные мысли: здесь нет красоты.

Такая малость – и неожиданное утешение.

Однако тело жаждет своего: прошу, умоляет оно. Тело начинает бороться, взгляд устремляется к скудному звездному свету вверху, уже такому далекому. Кто-то однажды сказал ей, что звезды – это лишь булавки, которые удерживают черное небо, дабы оно не рухнуло на мир и не удушило его. Краткое спокойствие сменяется паникой. Ее захватывает страшное, неудержимое желание – не жизнь взывает к ней, требуя попытаться еще раз, но любовь. Мы все заслуживаем второй шанс. Мысль возникает как будто не внутри, но вокруг нее, пусть течения утягивают все глубже, пусть холодный туман окутывает разум.

Поверхность остается совсем далеко, непостижимая, недосыгаемая. Холод повсюду, он давит, умоляет его впустить.

Я дам тебе еще один шанс, будто бы шепчет вода. Я ставлю все уйти, только впусти.

Обещание. Волны уже не тянут вниз, они обволакивают

объятиями, ожидая ответа.

Она все-таки открывает рот. Вода врывается внутрь, становясь ответом.

1916

18 сентября 1916 г.

Ливерпуль,

Лечебница Морнинггейт

К сведению главного врача

Любезный сэр,

пишу в надежде, что вы посодействуете в крайне деликатном вопросе.

Четыре года назад моя дражайшая дочь Энни неожиданно исчезла из нашего дома в деревушке Баллинтой. С тех самых пор мы с женой без устали ее разыскиваем. Мы наводим справки в больницах и оздоровительных учреждениях, ведь в последний раз видели нашу дочь не в себе от пережитого – и, быть может, в то время недооценили глубину ее скорби. Начали с заведений поблизости, в Белфасте, и Лисберне, и Бангоре, однако, когда обнаружить ее не удалось, мы постепенно расширили круг и в конце концов пересекли Ирландское море и добрались до Ливерпуля.

Мы написали в пятьдесят пять больниц. Когда удача нам так и не улыбнулась, появилась мысль включить в поиски и заведения вашего профиля. С самого детства наша Энни крайне подвержена чувствам, присущим всем представительницам ее пола. Сии чувства, однако, способны быть как

благословением, так и проклятием: женщина без оных качеств станет воистину холодным и бессердечным существом, но нет ничего хорошего и в том, когда любовь обуревают безо всякой меры. Как отец, я временами невольно жалею о том, что не нашел способа усмирить сие качество моей дражайшей Энни.

И посему пишу вам, любезный сэр, вопрошая, нет ли среди пациенток вашего учреждения женщины, подходящей под описание моей Энни. Ей стукнуло уже двадцать два, в ней пять футов шесть дюймов роста. Застенчивая, тихая девушка, способная прожить неделю, не промолвив и словечка.

Молюсь, чтобы вы сумели покончить с кошмаром, во власти которого мы пребываем, и вернуть нам нашу Энни. Да, в двух словах: она сбежала из дома, где мы ее холили, но подозреваем, что дело исключительно в ее страхе перед осуждением. Прошу, сэр, знайте, мы занимаемся этим вопросом, не привлекая закон, дабы уберечь частную жизнь и достоинство Энни. Молю вас о молчании. Полагаю, при вашей работе вам доводится встречать изрядное количество женщин в сходной ситуации.

Энни – наша единственная дочь, и несмотря на ее наклонности, ее слабости, несмотря на что угодно, что она могла сотворить, мы горячо ее любим. Передайте ей, что братья еженощно молятся о ее возвращении, что комната остается нетронута с тех пор, как Энни ее оставила, в надежде, что

мы вновь примем ее в объятия любящей семьи.

С уважением,

Джонатан Хеббли

Община Баллинтуй, графство Антрим, Северная Ирландия

25 сентября 1916 г.

Уважаемый господин Хеббли,

я получил ваше трогательное письмо касательно вашей дочери Энни в прошлую пятницу. Не могу не сочувствовать вашей беде, однако с сожалением должен сказать, что помочь не способен.

Закон о невменяемости 1890-го привел к множеству изменений в ограничениях правового характера, действующих для учреждений, подобных Морнингейту. Закон вынуждает ввести невиданные доселе меры, призванные, по моему мнению, скорее защитить заведение от ложных судебных претензий, нежели послужить на благо больных. Здесь, в Морнингейте, эти меры распространяются и на защиту частной жизни наших пациентов. Посему, при всем уважении, вынужден вам отказать. Речь, видите ли, идет о сохранности личного пространства больных, которые зачастую немало страдают от предрассудков общества в отношении тех, кто подвержен расстройству нервов и разума.

Прошу, не сочтите сей ответ ни подтверждением, ни опровержением присутствия вашей дочери в Морнингейте. Бу-

дучи управляющим сего учреждения, я обязан подчиняться
закону.

Ваш покорный слуга,

Найджел Давенпорт

Главный врач, лечебница Морнинггейт

Байшор-Мьюз, Ливерпуль, Англия

Глава первая

Октябрь 1916 г.

Ливерпуль

Лечебница Морнинггейт

Она не безумна.

Энни Хеббли втыкает иголку в грубую ткань серого цвета, нежного, подобно оперению голубей, что застревают в местных дымоходах, бьются там и кричат, и временами расшибаются насмерть в тщетной попытке высвободиться.

Она не безумна.

Взгляд Энни следует за иголкой, снующей то внутрь, то наружу вдоль края ткани. Внутрь и наружу. Внутрь и наружу. Острая, блестящая, идеальная.

Но в ней есть нечто, привлекающее безумие.

Энни начала понимать беспорядочные поступки сумасшедших – приступы рыданий, бессвязное бормотание, неистовые размахивания руками и ногами. За долгие дни, недели, годы в них появляется некий умиротворяющий ритм. Но нет, она не одна из них. Это ей предельно ясно.

Ясно как Господь и Дева Мария, как сказал бы папа.

Над шитьем трудится еще дюжина пациенток, отчего в комнате тепло, даже душно, несмотря на скудный огонек в камине. Труд якобы временно облегчает нервные расстройства.

ства, и посему столь многие обитатели получают работу, в особенности те, кто здесь скорее по причине собственной нищеты, нежели из-за некоего недуга как разума, так и тела. Большинство нуждающихся держат в работных домах, однако Энни обнаружила, что довольно многие умудряются пробраться в лечебницы, как только освобождается койка. Не говоря уже о падших женщинах.

Какие бы причины ни привели их в Морнинггейт, большинство женщин здесь довольно кротки и покоряются воле медсестер. Однако есть некоторые, кого Энни по-настоящему боится.

Она съеживается во время работы, не желая даже мимо-летно их касаться, не в силах избавиться от подозрения, что безумие способно передаваться от человека к человеку, как обычная зараза. Что оно зреет, словно споры плесени в забытой на солнце бутылке молока. Сначала незаметно, но вскоре прокисает и портится все молоко.

Энни сидит на жестком стульчике в швейной, держа на коленях свою работу на утро, но письмо, спрятанное в кармане, то и дело против воли всплывает в мыслях, словно тлеющий уголек, жжет сквозь льняное платье. Энни узнала почерк еще до того, как увидела имя на конверте. Она перечитала письмо с дюжину раз, не меньше. Под покровом ночи, когда никто не видит, она целует его, будто распытие.

Словно притянутая греховностью ее мыслей, у плеча возникает сестра милосердия. Энни задается вопросом, сколь-

ко же она уже стоит там и смотрит на нее. Эта сестричка новая. Она еще не знает Энни – вернее, знает, но плохо. Энни всегда оставляют на новеньких, которые пока не научились ее бояться.

– Энн, милая, тебя хотел бы увидеть доктор Давенпорт. Я отведу тебя в его кабинет.

Энни поднимается со стула. Ни одна из женщин не отрывает взгляда от шитья. Сестры никогда не поворачиваются к пациентам Морнингейта спиной, так что Энни волочит ноги по коридору, и присутствие сопровождающей подталкивает ее, будто раскаленная кочерга. Если бы Энни удалось улучшить миг, она бы тут же избавилась от письма. Бросила бы за шторой, сунула бы под ковровую дорожку. Нельзя, чтобы его нашел доктор. Ей так стыдно даже подумать об этом, что мурашки бегут.

Но в Морнингейте Энни не бывает одна.

В пыльном отражении коридорных окон они кажутся парой призраков – Энни в сизой больничной пижаме и сестра в длинной кремовой юбке с передником и в головном покрывале. Мимо долгой череды запертых дверей, палат, где бормочут и воют больные.

О чем они кричат? Что их так терзает? Для некоторых это джин. Других сюда отправили мужа, отцы, даже братья, которым не нравится, как их женщины мыслят, что они не скрывают своих убеждений. Но настоящих безумцев Энни сторонится, не желая узнавать их судьбу. Там, несомненно,

предостаточно несчастий, а в жизни Энни и без того хватает печали.

Само здание большое, путаное, его в несколько этапов перестроили из старого склада Ост-Индской компании, который закрылся в 1840-х. Во дворе, где женщины по утрам делают зарядку, на стенах красуются потеки пота и слюны, отпечатки ладоней, бурые пятна крови. К счастью, газовые лампы светят совсем тускло экономии ради и придают грязи приятный теплый оттенок.

Они проходят мимо мужского крыла; иногда из-за стены доносятся голоса, но сегодня там тихо. Мужчин и женщин держат отдельно, потому что среди последних есть те, кто страдает от особого нервного расстройства, от которого у них вскипает кровь. Такие женщины не выносят вида мужчины, сразу начинают трястись, срывать с себя одежду, прокусывать собственный язык и падать в конвульсиях.

Так говорят. Сама Энни еще ни разу не видела. Тут любят поговорить о пациентах, особенно о женщинах.

Но здесь Энни в безопасности от огромного мира. Мира мужчин. Вот что главное. Маленькие помещения, узкие ка-морки не слишком отличались от старого дома в Баллентое с четырьмя крошечными комнатками и бушующим в каких-то двадцати шагах от двери Ирландским морем. Здесь, во дворе, воздух тоже пропах солью, но даже если вода и рядом, Энни ее не видит – не видела уже четыре года.

Это одновременно и утешение, и проклятие. Бывают дни,

когда Энни просыпается от кошмаров, где черная вода хлещет в открытый рот, обращает легкие в холодный камень. Океан глубок и безжалостен. Сколько она себя помнит, семьи в Баллинтое теряют в море отцов и братьев, сестер и дочерей. На ее глазах воды Атлантического океана были завалены сотнями тел. Это больше, чем похоронено на всем кладбище Баллинтоя.

И все же есть другие дни, когда Энни просыпается – и у нее под ногтями штукатурка со стен, которые она скребла, отчаянно пытаясь выбраться наружу, вернуться к нему. Ее кровь бурлит в такт морскому прибою. Энни жаждет попасть к нему.

Они пересекают двор и входят в маленький вестибюль, ведущий к кабинетам докторов. Сестра знаком просит Энни отступить, а сама стучит и, получив команду войти, отпирает дверь в кабинет доктора Давенпорта. Тот поднимается из-за стола и указывает на стул.

Найджел Давенпорт молод. Энни он нравится; он, ей кажется, заботится о благополучии своих пациентов. Она однажды подслушала разговор медсестер, как трудно приходу заставить докторов оставаться в лечебнице. Такая работа их удручает – слишком уж мало больных поддаются лечению. Да и быть врачом общей практики куда выгоднее, вправлять кости да принимать роды. Доктор Давенпорт всегда к ней добр, пусть и официозен. Завидев Энни, он всякий раз вспоминает о том случае с голубем. У всех так. Как ее однажды

нашли с мертвой птицей в руках, которую она качала, словно ребенка.

Энни знает, что это не ребенок. Просто голубь. Он рухнул из дымохода в очаг, взметнув опавшие перья. Грязная, покрытая сажей птица – и все же в своем роде красивая. Энни всего лишь хотела ее поддержать. Поддержать в руках что-то свое.

Давенпорт складывает на столе руки. Энни смотрит, как переплетаются его длинные пальцы. Гадает – сильны ли они? Вопрос приходит не первый раз.

– Слышал, вчера ты получила еще одно письмо.

Ее сердце трепещет в груди.

– Не в наших правилах чересчур вмешиваться в частную жизнь пациентов, Энни. Мы не читаем почту, которую получают пациенты, как поступают в других приютах. Мы здесь не такие.

Он ласково улыбается, но меж бровей залегла едва заметная морщинка, и Энни охватывает престраннейшее желание коснуться ее пальцем, разгладить. Она, конечно, не осмелится. Умышленные касания запрещены.

– Здесь нам показывают почту лишь по своей воле. Но ты ведь понимаешь, что эти письма могут нас беспокоить, правда?

Голос Давенпорта мягок, он обнадеживает, почти физически ласкает в своей неподвижности. Наживка. Энни хранит молчание, словно заговорить – все равно что дотронуть-

ся в ответ. Может, если она не ответит, доктор перестанет давить. Может, если сидеть достаточно тихо, она просто исчезнет. Энни постоянно играла в эту игру на необъятных полях и скалах Баллинтоя. Воспоминание возвращается, поразительно ясное: игра в исчезание. Как правило, у нее получалось. Энни могла целыми днями бродить по лугам за домом, придумывая истории, так, что ее даже никто не видел, никто с ней не заговаривал. Как призрак во плоти.

Доктор вытягивает шею из высокого воротника. Шея у него сильная, крепкая. Как и руки. Он с легкостью сумеет совладать с Энни. В этом, наверное, и вся суть этой силы.

– Быть может, ты хочешь показать мне письмо, Энни? Для своего же спокойствия? Нехорошо хранить секреты... они тяготят, гнетут.

Она вздрагивает. Она жаждет поделиться и сгорит от страстного желания все скрыть.

– Оно от подруги.

– Подруги, которая работала с тобой на борту пассажирского судна? – Давенпорт замолкает на миг. – Вайолет, верно?

Энни охватывает паника.

– Теперь она работает на другом корабле. Говорит, им остро необходима помощь, и спрашивает, вернусь ли я на службу.

Вот. Тайное стало явным.

Давенпорт изучает ее взглядом темных глаз. Энни не спо-

собна сопротивляться, его ожидание давит. Она совсем не умеет говорить «нет»; все, чего ей всю жизнь хочется, – это угождать людям: отцу, матери. Всем. Быть хорошей.

Какой она когда-то была.

«Моя милая Энни, Господь благоволит хорошим девочкам», – говорил папа.

Она лезет в карман и отдает доктору письмо. Смотреть, как он читает, невыносимо, словно обнажилось не послание, а ее собственное тело.

Затем доктор поднимает взгляд, и его губы медленно растягиваются в улыбке.

– Понимаешь, Энни?

Она сцепляет руки, лежащие на коленях.

– Понимаю что?

Она знает, что он скажет дальше.

– Ты ведь понимаешь, что не больна, как остальные, правда? – Давенпорт произносит слова ласково, словно пытается не задеть ее чувства. Словно она этого не знает. – Мы сомневались, насколько этично тебя тут держать, но не спешили выписывать, потому что... ну, откровенно говоря, мы не знали, как с тобой поступить.

Когда Энни поместили в лечебницу Морнингейт, она ничего не помнила о своем прошлом. Она проснулась на узкой постели, руки и ноги были покрыты синяками, не говоря уже о жуткой ноющей ране на голове. Энни обнаружил констебль за питейным заведением. Проституткой она не выглядела –

одета была отнюдь не для сего занятия, и от нее не несло джином.

Однако никто не знал, кто она такая. В то время Энни сама едва себя знала. Она даже не могла назвать свое имя. Врачу не оставалось ничего, кроме как подписать постановление о помещении ее в психиатрическую лечебницу.

Память со временем начала возвращаться. Впрочем, не вся; когда Энни пытается вспомнить определенные вещи, не выходит ничего путного, лишь туман. Ночь, когда затонул огромный корабль, разумеется, врезалась в память с кристальной безупречностью глыбы льда. А вот то, что было до, кажется нереальным. Она вспоминает двух мужчин, каждого по отдельности, хотя иногда ей кажется, будто они слились в ее разуме в одного – или во всех мужчин в мире. А до того – обрывки зеленых полей и бесконечных проповедей, распевных молитв и воющего северного ветра. Мира, слишком огромного, чтобы его постичь.

На протяжении четырех лет единственным ее спутником становится ужасное, пронзительное одиночество.

Разумеется, лучше оставаться здесь, в безопасности, а мир с его тайнами, войнами, лживыми обещаниями пусть остается снаружи, за широкими кирпичными стенами.

Доктор Давенпорт смотрит на нее со все той же задумчивой улыбкой.

– Тебе не кажется, Энни?

– Не кажется что?

– Было бы неправильно держать тебя здесь, пока идет война. Занимать койку, которую можно отдать тому, кто действительно болен. Солдаты страдают от контузии. Аллея Эвертон кишит несчастными сломленными душами, которых терзают пришедшие за ними с полей боя демоны.

Темный, очень спокойный взгляд устремляется в глаза Энни, задерживается.

– Ты должна отправить письмо в «Уайт Стар» с просьбой восстановить тебя на прежней работе, как предлагает подруга. В сложившихся обстоятельствах так будет правильно.

Энни ошеломлена – не суждениями доктора, но стремительностью происходящего. Ей трудно поспевать за его словами. В груди медленно растекается ужас.

– Ты в порядке, моя дорогая. Просто испугана. Само собой. Но ты будешь в полном порядке, как только увидишься с подругой и снова начнешь трудиться. В самом деле, уже пора, тебе не кажется?

Энни упрямо не может избавиться от ощущения, что ее отвергли, практически вытолкали за порог. На протяжении четырех лет ей удавалось вести себя так, чтобы оставаться здесь. Она хранила свои тайны. Старалась нигде не вмешиваться, не сделать ничего плохого.

Энни была такой хорошей девочкой.

А теперь ее жизнь, ее дом и единственную безопасную гавань отнимают, вновь вынуждая отправляться в неизвестность.

Но пути назад уже нет. Энни знает, что не может ему отказать, не способна отказать ничему, что говорит доктор. Не когда он так добр.

Давенпорт складывает письмо, протягивает его Энни. Ее взгляд задерживается на его сильных руках. Пальцы мимолетно касаются его пальцев. Запретный плод.

– С радостью подпишу бумаги, – говорит ее доктор. – Поздравляю, мисс Хеббли, с возвращением в мир.

3 октября 1916 г.

Моя дорогая Энни,

надеюсь, письмо тебя найдет. Да, я снова тебе пишу, хоть и не получала ответа с тех пор, как ты отправила весточку через главное управление «Уайт Стар Лайн». Ты понимаешь, почему я продолжаю писать. Молюсь, чтобы твое состояние не ухудшилось. Было горько читать о твоём нынешнем положении – впрочем, по твоему письму мне не показалось, что ты нездорова. Простишь ли, что я потеряла твой след после той Жуткой Ночи? Я не знала, жива ты или мертва.

К слову о вопросе, который все еще, вероятно, тебя гнетет: я больше не получала известий о судьбе той девочки. Весь тот холодный, ненастный вечер, ожидая в спасательной шлюпке и умоляя Господа нас пощадить, я крепко прижимала ее к груди. Но затем, когда нас спасла «Карпатия», как я упоминала в прошлом письме, меня вынудили отдать ее команде, и я думаю, что ее, по всей видимости, оставили в сиротском приюте. Ты должна понять, что мы, возможно, по-

теряли ее навеки.

Мне очень жаль, Энни.

Позволь теперь уделить внимание тебе, дорогая подруга. Мне горько думать, как ты чахнешь в застенках лечебницы. Какая бы меланхолия ни терзала тебя с той роковой ночи, ты должна ее преодолеть. Я знаю, ты можешь. Я помню девушку, ставшую моей соседкой на том обреченном корабле. Никогда не забуду, как увидела тебя в последний раз – как ты прыгнула в эти темные, ледяные воды. Мы думали, ты лишилась рассудка, утратила разум от потрясения. Однако лишь ты заметила, что ребенок упал в воду. Лишь ты понимала, что нельзя тратить ни мгновения. Энни Хеббли – самая смелая девушка, которую я только встречала, подумала я той ночью.

Поэтому я и знаю, что ты выживешь и в нынешних обстоятельствах, Энни. Ты сильнее, чем считаешь.

Я уже не стюардесса, а сестра милосердия – военные нужды. Корабль, на котором я сейчас служу, – близнец того престелника, который мы обе так хорошо знали. Однако представь, если можешь, что все его пышное убранство преобразилось, как Золушка, вернувшись к жизни судомойки! «Британник» волей Его Величества превратили в госпитальное судно. Никаких больше хрустальных канделябров и бархатных обоев у парадной лестницы. Теперь все замазано побелкой, затянуто брезентом и пахнет антисептиком, вездесущим антисептиком. Танцевальный зал стал чередой опера-

ционных, в кладовых теперь хранятся запасы хирургического оборудования. Палаты способны вместить тысячи пациентов. Сестры и команда поселились в каютах первого класса, где мы с тобой когда-то заправляли постели и хлопотали над пассажирами.

Энни, «Британник» до сих пор отчаянно нуждается в сестрах милосердия. Снова умоляю тебя обдумать возвращение к морской карьере и поработать со мной бок о бок. Не стану лгать: мы видим до невыносимого кошмарные ранения. В газетах пишут правду: это воистину война, что положит конец всем войнам, ведь нам уже никогда не превзойти ее ужасов. Ты нужна мальчишкам, Энни, – поднять дух, напомнить, что ждет их дома. Ты станешь для них лучшим в мире лекарством.

И, если честно, ты будешь лучшим в мире лекарством для меня. Я страшно по тебе скучаю, Энни. Мало кто поймет, что мы пережили. Мало кому можно признаться, что кошмар все еще преследует меня по ночам, что я вижу его каждый месяц, каждую неделю и что иногда кричу от страха. Мало кто способен понять, почему я по-прежнему зарабатываю на жизнь морем, почему к нему привязана, когда оно явило мне, на какие ужасы способно.

Ты, я уверена, поймешь. Удивлюсь, если ты не страдаешь от тех же горестей и страхов, потому как сама привязана к морю. Я всегда в тебе это чувала.

Напиши, Энни, и скажи, что присоединишься ко мне на

«Британнике». Я уже подала в лондонское управление рекомендательное письмо на твое имя. Мы отбываем из Саутгемптона двенадцатого ноября. Молюсь, чтобы увидеть тебя до отплытия.

С нежной любовью,

Вайолет Джессон

Глава вторая

11 ноября 1916 г.

Саутгемптон, Англия

ГСЕВ¹ «Британник»

Чарли Эппинг – человек, что уважает талантливое ведение войны так, как иные уважают отменно сделанные часы.

Люди столь часто не понимают, что есть война, считают ее беспорядочной, хаотичной. Однако это невероятно хитроумная, постоянно движущаяся система зашифрованных сообщений и сведений, статистики, приказов, тел, снабжения, чисел, логистики. Тот, кто способен в совершенстве постигнуть эти закономерности, способен спасти бесчисленные жизни. А что в этом мире может быть лучшим занятием?

Чарли глубоко затягивается сигаретой. Небо над Саутгемптоном дивно голубое, стоит свежий, бодрящий осенний день – из тех, когда хочется радоваться тому, что ты жив, хотя с наступлением ночи в открытом море станет холодно и мороз будет пробираться до костей.

Чарли подается вперед, упираясь одной ногой в перила, чтобы посмотреть на деятельность внизу. Он на шлюпочной

¹ ГСЕВ (госпитальное судно Ее Величества) – во время мировых войн корабль ВМС Великобритании, предназначенный для оказания медицинской помощи, лечения и медицинской эвакуации раненых и больных.

палубе, неподалеку от своего поста в радиорубке. С насеста в пяти сотнях футов над пеной бьющих о сваи волн ему как на ладони открывается вид на все действие, на людей на других палубах и пирс внизу. Словно колония муравьев: черные точки, снующие туда-сюда, чтобы подготовить огромный корабль к завтрашнему отплытию.

У Чарли и самого миллион дел – и у Тоби Салливана, второго радиста: нужно удостовериться, что беспроводный телеграф Маркони работает как положено. Беспроводная связь – новинка. Как большинство радистов Маркони, Эппинг вызвался на обучение добровольно, как только вступил в армию. Ему нравится возможность освоить профессию; Чарли считает, что будущее за беспроводной связью.

У радистов день на день не приходится – бывают загруженные, бывают не очень. В море можно поймать сигнал, только если в пределах видимости другой корабль или неподалеку радиостанция. Технология ненадежная, капризная. На передачу сигнала влияют погода, время суток. Нужно запоминать коды, числа, которые обозначают служебные команды. А еще есть азбука Морзе. Эппинг знает ее так хорошо, что ловит себя на том, как мысленно переводит слова в точки-тире даже во время разговора, и клянется, что слышит постукивание ключа сквозь сон.

Чарли бросает окурок за перила, провожает его взглядом – летящий росчерк на фоне одинаковых белых барашков. Затем проверяет карманные часы: утренняя корреспонден-

ция уже должна быть доставлена. Приказы и разведсводка от Южного командования в лагере Тидворт прибывают два раза в день, и обязанность их разобрать ложится на плечи радистов. Дел станет меньше, когда корабль выйдет в море, но пока что им с Салливаном приходилось изо всех сил поспевать.

«Британник» переделали из величественного океанского лайнера – самого роскошного из когда-либо созданных. Ну, или так рассказывают. В отличие от изначально изготовленных по военному заказу судов на нем не трапы, а настоящие лестницы. Коридоры широкие. Полным-полно иллюминаторов. На этом корабле не чувствуешь себя будто в клетке, как бывает на линкоре или крейсере. За последние несколько лет Эппинг настолько привык к тесноте, что огромное пространство на борту «Британника» иногда вызывает у него ощущение, словно он не знает, куда деть собственные руки.

У этого корабля есть весьма печально известный брат. Командование изначально говорило о крушении «Титаника» открыто; они собрали весь экипаж и рассказали о всех улучшениях «Британника» вследствие трагедии. Удвоили борт, выстроили водонепроницаемые переборки до самого верха. Этот корабль куда безопаснее *того*, заверяли экипаж. Не о чем беспокоиться.

Эппинг и не из тех, кто беспокоится. Как тут беспокоиться, когда у тебя плавучий бальный зал, переделанный в палату для раненых и умирающих: разорванных на куски, слов-

но тряпичные куклы, лишенных рук и ног, с искромсанными шрапнелью лицами, уничтоженными фосгеном легкими. Врачи говорят, эта война куда более жестока – во-оружение нынче гораздо смертоноснее.

Забрав почтовую сумку с крючка на пирсе, Эппинг возвращается в радиорубку, где Тоби Салливан указывает ему на стопку бумаг у телеграфа.

– Мы забыли отправить в Тидворт обновленный список экипажа. Займешься?

Чарли не против; он в три раза быстрее управляется с ключом, чем Тоби, который еще не запомнил морзянку целиком и застревает на буквах – и не только на редко используемых, вроде Q, X и Z, но и на более частых J и V. Усевшись перед судовым журналом, Чарли находит имена всех, кто присоединился недавно и не попал в предыдущий доклад, делает рядом с каждым карандашную пометку. Вместе с именем члена экипажа необходимо отправить еще и сведения: последняя занимаемая должность, возраст, место постоянного проживания, родственники.

Затем Чарли настукивает вступительную часть: «ГСЕВ Британник Южному командованию, лагерь Тидворт... *тире тире точка, точка точка точка...*»

Чарли скользит пальцем по журналу, находит первую запись.

«Эдгар Доннингтон. Аксбридж-Шоринг, 34 года, Икен-хем, миссис Агнес Доннингтон (супруга)».

Затем следующую.

«Энн Хеббли. «Титаник»...»

Он прерывается. Выжившая. Чарли берет на заметку – нужно разведать больше. Девчонка наверняка либо двужильная, либо невероятно везучая, раз выбралась оттуда... либо и то и другое. Остается только воображать, какие истории она, должно быть, может поведать.

Чарли продолжает выстукивать сведения о ней: «Возраст: 22 года, Ливерпуль». И касательно родственников он быстро выдает *тире точка пауза точка пауза тире*.

Нет.

Глава третья

12 ноября 1916 г.

Саутгемптон, Англия

ГСЕВ «Британник»

Стоя вот так на пристани, шурясь против яркого утреннего солнца, Энни легко представить мир без прошлого, с одним лишь будущим. Перед ней вздымается величественный «Британник», а позади него простирается открытое море.

Теперь, оказавшись здесь, Энни ощущает прилив решимости и острой необходимости действовать. Она правильно сделала, что приехала.

Все путешествие из Морнинггейта Энни чувствовала себя изможденной, беззащитной, изнуренной тем, что вокруг повсюду люди. Водители и владельцы гостиниц, и полицейские, и чистильщики обуви, и уличные торговцы. Доктор Давенпорт распорядился, чтобы перед дорогой сестры пару раз сводили ее в город, помогли приспособиться к толпам и шуму. Но с тех пор жизнь превратилась в мощный ревущий прибой, который в нее врзался: поезд в Лондон, затем станция Ватерлоо и пересадка на другой поезд в Саутгемптон, к великому порту. Сперва все казалось почти невыносимым, и Энни приходилось сидеть в поезде с закрытыми глазами, прижимая к груди маленькую сумочку на ремешке, потому

что она боялась ее потерять – боялась потерять себя саму. Страх был цепным псом, пугающим, жестким, всегда опасно близким, когда натягивал поводок, обнажая клыки.

Когда Энни добралась до Лондона и покончила с первым этапом путешествия, она уже привыкла к постоянному движению под собой и давлению стольких тел. Привыкла, что ее вновь окружают чужие голоса, запахи, взгляды, пусть они и по-прежнему казались ей пленкой паутины на коже.

Пусть даже, куда бы она ни смотрела, Энни ожидала увидеть среди толпы знакомое лицо, будто бы замечала Марка – волну темных волос, красивые черты, понимающий взгляд.

Пусть даже всякий раз, когда это был не он, а лишь незнакомец, в груди вновь вспыхивала старая боль.

В Морнингейте Энни тоже частенько думала, что видела его среди пациентов или как он прогуливается по улочке за стенами лечебницы. Но теперь Энни знает, что это всего лишь разум играет с ней злую шутку. Марк погиб четыре года назад в ледяных черных водах Северной Атлантики.

В Саутгемптоне ее вновь захлестывает суета вокруг. В какой-то мере Энни помнит это ощущение еще с первого раза, когда она только начала работать на «Титанике». Тогда Энни оказалась в полнейшем смятении: дитя, если не по возрасту, то по своему нраву, сбжавшее из Балланта. Тогда ее как будто вела незримая рука – ангел-хранитель? Она нутром чуяла, на какой поезд сесть, какая улица приведет к штабу «Уайт Стар Лайн». Потерянной на вид девушке предла-

гали помощь незнакомые мужчины, и этот ангел-хранитель подсказывал, кто направит на верный путь, а кто попытается увести в глухую аллею.

Не доверие и не интуиция – в их отсутствие ее направляло нечто иное.

Человек в штабе «Уайт Стар Лайн» тоже хороший – у таких взгляд не осуждает, руки не касаются дольше необходимого. Он провожает Энни к судну, настояв, что должен понести ее сумку, отчего Энни слегка колет стыд – сумка-то слишком легкая. В ней всего-то несколько личных предметов: выданная в Морнингейте расческа, несколько заколок и вещиц, доставшихся от обитателей лечебницы в обмен на услуги, и, конечно, брошь, куда более ценная, нежели остальное, – та, за которую Энни цепляется еще со времен «Титаника».

Служащий, несомненно, думает, что она девушка совсем бедная, раз взяла так мало с собой. Энни не может объяснить, что у нее ничего и нет, кроме серой льняной пижамы Морнингейта, что платье, шляпку и туфли ей выбрали из кучи старой одежды, которую пожертвовали лечебнице, что деньги на билеты и еду ей выдал доктор Давенпорт из собственного кармана. Теперь она играет в другую игру в исчезание – влезть в одежду, предназначенную иной женщине, иного телосложения, иного времени. Передвигаться среди всех этих людей, будто Энни одна из них, даже зная глубоко внутри, что это не так. Что она как-то отдельно. Что она

по-прежнему одинока.

Пробираясь через доки, Энни возвращается в свой первый день на «Титанике». Толпы, хаос. Повсюду тела, все будто направляются в разные стороны. Переулки забиты фургонами, которые, в свою очередь, завалены корабельным грузом и багажом. Экипажи для богатых пассажиров ползут в толпе – извозчики надрываются, силясь перекричать шум, лошади нервно фыркают. Энни приподнимает юбку, чтобы не смотреть под ноги и не сводить глаз с мужчины из «Уайт Стар Лайн», который то и дело исчезает из виду.

– А вот и он, – произносит мужчина, когда они подходят к причалу, и протягивает ей листок бумаги. – Передайте старшему помощнику.

Мужчина опускает сумку у ног Энни. Потом уходит.

Энни прижимает шляпу ладонью и, задрав голову, смотрит вверх, вверх, вверх, на четыре огромных трубы корабля, похожих на башни замка. «Британник» как две капли воды похож на брата, «Титаник», если не считать покраски, отличающей госпитальное судно. При воспоминании о том, первом, корабле по телу Энни, с головы до ног, пробегают знакомые мурашки. Плавающий дворец во всех смыслах: парадная лестница, прекрасно обставленные столовые, шикарные каюты. Энни, конечно, ярче всего помнит пассажиров первого класса в двенадцати каютах, которые обслуживала в качестве стюардессы. Они были богаты, некоторые – знамениты. Особенно Энни запомнились американцы с их своеобраз-

разным акцентом и забавными манерами. Столь прямолинейные, напористые, вольные. Но затем Энни вспоминает, что многие уже мертвы, и одергивает себя.

Нет. Сейчас не время для скорби. Энни знает, что произойдет, если слишком долго оглядываться, знает, как черные волны вновь сомкнутся над головой и она утонет. Как горя, и потерь, и ужаса станет невыносимо много.

Сейчас Энни нужно не потерять головы, найти первого помощника и заняться делами. У нее, в конце концов, еще есть цель.

Где-то – где-то там – дитя. Ребенок Марка.

Энни поднимается по трапу. Там все без исключения в униформе, причем серьезной, это не ливрея «Уайт Стар Лайн», к которой она привыкла. Мужчины одеты в тускло-оливковую шерсть, сестры – в длинных синих юбках, с накидками на плечах, чтобы не замерзнуть, лица обрамлены платками. Все заняты, все сосредоточены на поручениях. На Энни никто не обращает внимания.

Внутри все совсем иначе. Ей трудно представить, что этот корабль когда-то был как «Титаник», так сильно он изменился – как женщина после родов, измученная, бледная, опустошенная.

Внутри – как в любой больнице. Если не стоять рядом с иллюминатором или дверью, даже не поймешь, что ты на корабле. Все, что делало «Титаник» сверкающим и величественным, было отнято. Нет ни шезлонгов, ни карточных

столов, ни хрустальных люстр, ни плетеных кресел. Кругом лишь антисептики и униформа. Ряды коек для пациентов, шкафы, заполненные бинтами и лекарствами. И везде суэта. Сестры милосердия следят, как мужчин грузят на носилки. Санитары уходят с полными носилками к каретам «Скорой помощи», что дожидаются внизу на причале, затем возвращаются с пустыми для следующей партии. Некоторые пациенты добираются на своих двоих – руки на перевязи, головы замотаны, обычно в сопровождении сестры или санитаря. Столько же суматохи, что и в день посадки на «Титаник». Энни помнит, какую давку устроили люди на трапе, и невольно делает глубокий вдох. Столько людей... ее как будто захлестнула гигантская волна. Захлестнула и утянула вниз.

Но это все не гости, а только выжившие, и у каждого в бинтах спрятана история – раны, боли, видения со шрапнелью, взрывами и ужасами, которые Энни не способна и вообразить. Это полумертвые.

И суетящийся персонал прибыл сюда, чтобы о них заботиться, либо вернуть их в наш мир, либо проводить в другой. Путешествие совсем иного рода.

Впереди двое мужчин совещаются с еще одним, серьезным на вид, в накрахмаленной униформе – видимо, офицер. Энни приближается, протягивает бумагу.

– Прошу прощения, я надеялась найти первого помощника, не подскажете? Мне велели доложить ему о своем при-

бытии.

Трио прерывается и смотрит на нее. Высокий оглядывает Энни с головы до ног неодобрительным взглядом школьного учителя, затем выхватывает листок и быстро читает.

– Здесь говорится, что вы новая штатная сестра милосердия, так? Мисс Хеббли? Явились на службу?

– Да, верно.

– За вас отвечает старшая сестра. Эппинг, – передает он лист спутнику, худощавому парню с волосами цвета соломы, – отведи мисс Хеббли к сестре Меррик, хорошо? Нельзя же ей блуждать по палубам, правда?

Она, словно в тумане, следует за Эппингом, а тот, взяв ее сумку, ведет Энни по переходам, знакомым и незнакомым одновременно. Он легко лавирует в потоке людей, постоянно оглядываясь через плечо на подопечную, и на его лице играет кривая улыбка, будто солнечный свет на воде.

– Мы прибыли всего несколько дней назад, поэтому все бурлит. Надо выписать более тысячи пациентов. Скоро снова в путь.

– Вы санитар?

– Не. Я из радистов, – он протягивает руку. – Чарли Эппинг.

Его рука не большая, но и не маленькая. Рукопожатие теплое, но формальное. Движения отточенные.

– Энни Хеббли, – представляется она, и ее голос мягок под напором прикосновения. – Могу я открыть вам тайну,

мистер Эппинг? Я ничего не знаю о сестринском деле.

Энни не понимает, почему об этом заговорила, но он светло улыбается, и это дарит ей ощущение безопасности. Или не безопасности, но хотя бы не невидимости.

И это, в конце концов, не совсем так. Энни последние четыре года наблюдала за сестрами милосердия и знает, что они говорят и делают. Она чувствует, что может им подражать. Ей часто кажется, что так она и потратила свою жизнь – подражая чему-то.

Она не уверена, на какой ответ надеялась, но Чарли просто пожимает плечами.

– Научат. Приставят старшую сестру, она введет в курс. Втянетесь в мгновение ока.

К этому времени он уже подвел Энни к парадной лестнице, которую, как она рада видеть, не сняли и не заменили чем-то более сдержанным. Энни кажется забавным, что уже нет красивых бархатных обоев, под ногами не пружинят мягкие ковры и мимо проносятся не дамы в дорогих шелках и мужчины в вечерних костюмах, но солдаты с сестрами милосердия, а все равно – знакомо.

– Я помню это, – произносит Энни, касаясь резных перил. Чарли бросает на нее скептический взгляд.

– Бывали здесь? В записях ничего не сказано.

Ее щеки заливают румянец.

– Не на этом корабле, на «Титанике». Полагаю, теперь вы сочтете меня очень невезучим человеком.

– Ничуть! Теперь я вспомнил запись журнала. Вы должны знать мисс Вайолет Джессоп...

– Она и уговорила меня приехать. Мы были хорошими подругами.

Эппинг широко улыбается.

– Она мне как старшая сестра. Позвольте представить вас сестре Меррик, а затем поищем Вайолет.

Есть нечто в его щедрости, доброте, отчего Энни чувствует себя подавленно и грустно. Он жизнерадостен, он из другого мира, который куда более прост для него, чем ее мир для нее. Его пальцы скользят по краям сигареты, которую он вертит в руке, и все, о чем Энни может думать, – это легкость. Энни еще никогда ее не чувствовала. Она больше похожа на саму сигарету, прошедшую путь от руки ко рту и к земле, высосанную досуха и забытую.

Или она – дым, летящий в воздух, исчезающий, как только губы вновь смыкаются.

Как только они находят сестру Меррик, становится ясно, что посмаковать воссоединение с Вайолет не выйдет – по крайней мере, пока. Женщина глядит на Энни сверху вниз, вздернув длинный нос.

– Благодарю, Эппинг, что привели ее ко мне, но на этом все. Уверена, вы нужны в другом месте.

Она явно не хочет, чтобы он задерживался здесь, в ее владениях, и потому Чарли касается кепки, прощаясь с ними обеими, и оставляет Энни рядом с этой внушительной жен-

щиной.

Она поворачивается к Энни, вновь присматривается. Сестра Меррик высокая, крепкая, с таким обширным бюстом, что верх передника натягивается.

– Все по порядку. Раздобудем вам форму и устроим в каюте. Затем начнется дежурство.

– Мэм?.. – Энни едва стоит на ногах, полуживая от усталости. Она проснулась в шесть утра, чтобы собраться и успеть на поезд.

Сестра бросает на нее испепеляющий взгляд.

– Вы явились к нам без опыта ухода за больными, мисс Хеббли. В считанные дни мы окажемся в зоне военных действий и начнем принимать новых пациентов. Вам предстоит многому научиться, и нельзя терять ни минуты. – Меррик подзывает еще одну сестру, молодую, с добрыми глазами. – Найди ей койку и пусть переоденется как положено, потом пусть возвращается сюда, ко мне.

Молодую медсестру зовут Хейзел – это девушка из Лондона, чей возлюбленный сражается на континенте. Она уже была в одном рейсе «Британника» и весело болтает, проводя Энни к интенданту за униформой, а затем в каюты экипажа на нижних палубах.

– Работы по горло, но наше дело того стоит, – говорит Хейзел у двери, пока Энни переодевается. – А сестра Меррик не такая уж противная, когда узнаешь ее получше, но

лучше, конечно, с ней не ссориться.

Энни всем сердцем желает прилечь на койку и немного отдохнуть от суеты и шума, но послушно следует за Хейзел обратно к палатам. На несколько часов она становится тенью Хейзел. Молодая сестра милосердия показывает Энни, где находятся бинты и лекарства, где найти одеяла для замерзших и воду для тех, кого мучит жажда. Раненые ждут, когда их заберут с корабля, им не терпится, но карет «Скорой помощи» не так много. Они снова и снова останавливают пару медсестер и требуют, чтобы их отпустили.

– Дождитесь клерка с документами о выписке. Вы же военный, так что все должно быть чин чинком, – говорит Хейзел мужчине, который угрожает самостоятельно уйти с корабля. – Иначе посчитают самоволкой и отправят за вами полицию.

Энни быстро понимает, что самая важная ее работа – слушать, когда они хотят поговорить. Поначалу ей непросто смотреть на раненых – она впервые видит настолько пострадавших людей, некоторые и вовсе гротескно обезображены. Есть люди вообще без конечностей, или у которых снесло половину лица. Те, кто борется за каждый вздох, с поврежденными газом легкими, и те, кто знает, что долго не проживет. Те, кто тихо, безостановочно бормочут сами себе... ну, таких Энни уже встречала в Морнингейте, поэтому они беспокоят ее не так сильно. И после нескольких часов выслушивания, пока Энни меняет повязки, поправляет постели, прино-

сит воду и опорожняет утки, она боится их уже меньше. Работа на удивление приносит ей удовольствие. Приятно в кои-то веки оказаться на другой стороне, на той, которая помогает, а не принимает помощь. Мужчины, которых она встретила, обескуражены и напуганы, не зная, что их ждет. Они ранены и в большинстве случаев навсегда останутся калеками. Их будущее внезапно оказывается под вопросом. Смогут ли они когда-нибудь снова работать или лягут на плечи семей постоянным бременем? Будут ли близкие их по-прежнему любить? Некоторые рассказывают Энни о своих семьях дома и – редкие счастливицы – о женщинах, которые их ждут. Энни хочется сказать грустным: «Ты думаешь, ты все потерял, но тебе повезло куда больше, чем ты считаешь. Ты ведь здесь, не так ли? На этом величественном корабле!»

Ей интересно, что бы сказали эти мужчины, узнай они, что считанные дни назад она сама была пациенткой. Может, это их подбодрило бы, но она боится, что нет. Боится, что ее осудят, что станут ее страшиться, как персонал в Морнингейте.

Она близка к тому, чтобы рассказать об этом мужчине с большими печальными глазами. Он лежит на койке, уставившись в потолок. Он не так молод, как многие пехотинцы, ему, наверное, слегка за тридцать. Он потирает бедро чуть выше того места, где теперь кончается его нога.

– Как я буду работать, когда вернусь домой? Я не могу стать моей Мэйзи обузой, – говорит он.

Энни знает, что ее работа – заменять его жену.

– Это ее волнует меньше всего, – отвечает Энни, взбивая ему подушку. – Она будет благодарна, что вы живы и вернулись к ней. Вот увидите.

Мужчина нервно разминает ногу.

– Вы не знаете мою Мэйзи.

– Но я ведь женщина, верно? И я знаю, что женщина чувствует, и говорю вам: ваша жена хочет, только чтобы вы вернулись домой.

В груди просыпается знакомая глухая боль. Энни хочется, чтобы на всем белом свете нашелся кто-то, испытывающий такие чувства к ней.

После четырех часов, проведенных в палате, Энни не скажет наверняка, что не последовала бы за тем нетерпеливым молодым солдатом вниз по трапу, будь у нее такая возможность. Она находит стул в углу и садится спиной к толпе, прижимая ко лбу стакан с водой. Ноги пульсируют, мир кружится.

Она как раз собирается встать на ноги – уверенная, что вскрикнет от боли, – как вдруг к ней подбегает Хейзел.

– Давай скорее, ты нужна, – дергает она Энни за рукав.

Энни видит, что дело плохо, еще на входе. Волнение посреди моря кроватей. Мужчина корчится и кричит, отбиваясь от санитары, который пытается его удержать. Даже с другого конца палаты Энни замечает повсюду кровь. Алое море. На мгновение она отшатывается, чувствуя тошноту.

– Помоги Джеральду, – слегка подталкивает ее Хейзел. – Я найду врача.

Лишь у его постели Энни понимает, что стряслось: мужчина пытался покончить с собой. Он сорвал повязку со свежей ампутации, распорол швы. И, кажется, перерезал горло неровной линией, хотя Энни не очень понимает, как он умудрился. Она смотрит на него, слишком ошеломленная, чтобы реагировать. Джеральд, санитар, пропитанный кровью этого человека, прижимает его к матрасу, но больше ничего не может сделать. Он бросает на Энни через плечо взгляд выпученных глаз.

– Ну и? Пробуй остановить кровь. Бегом!

Потеря крови серьезная: мужчина под весом Джеральда уже постепенно теряет сознание.

Кровь проступает сквозь повязки, краснеет, чернеет по краям. Энни не знает, что делать. Мечется и через миг вдруг замечает на полу чулки пациента. И начинает двигаться почти без раздумий: подхватывает один и затягивает вокруг бедра пациента, словно жгут – так туго, как только может. Второй – на шею, но так, чтобы не перекрыть дыхание. Энни разрывает простыню на полосы и обматывает ими его горло, словно мумию. Вот и все, что она успевает, прежде чем мужчина обмякает, и Джеральд наконец бросается к шкафу за нормальным жгутом и бинтами. Энни склоняется над лежащим без сознания мужчиной, продолжая удерживать жгуты, пока не вернется Джеральд.

И только теперь она понимает, что узнает лицо этого пациента. Она разговаривала с ним совсем недавно. Тот самый, с печальными глазами. Его жену зовут Мэйзи. До войны он был кровельщиком. И как теперь сможет работать с одной-то ногой? Так по лестницам не покарабкаешься. Что ему делать? Он сказал, что уже слишком стар для поисков новой профессии.

Хейзел возвращается с доктором. Они оба на миллисекунду искоса смотрят на Энни в окровавленной одежде – и бросаются к пациенту. Доктор выкрикивает приказы Хейзел и санитару; вокруг словно крушение поезда. Энни выползла из-под обломков; ее момент ушел, и она способна лишь оцепенело отойти в сторонку. Это все ее вина. Что-то упустила, когда говорила с ним? Энни не может не чувствовать, что должна была догадаться о его задумке лишить себя жизни. Должна была ощутить, как желание жить ускользает от него, словно нечто телесное, как перемена давления воздуха.

Каким-то чудом в коридоре Энни, безумно покачивающуюся, находит Вайолет Джессоп.

– Нельзя вот так стоять на виду вся в крови, – заявляет она так же бодро и деловито, как на «Титанике», как будто все это время они так и трудились бок о бок, а не расставались.

Вайолет берет ее под руку, и Энни, слабая и подавленная, почти не сопротивляется. После ряда проб и ошибок – Энни никак не может вспомнить дорогу к себе, несмотря на то что план палубы здесь точно такой же, как на «Титанике», –

они находят нужную каюту. Вайолет устраивается на койке, пока Энни оттирает руки и лицо и переодевается обратно в сброшенное платье.

– Мне так жаль, что это случилось с тобой, и так скоро, – произносит Вайолет, встряхивая густые волосы Энни, словно может разом стряхнуть и тяжесть этого дня.

Она берет щетку, принимается расчесывать Энни. Та сидит на табуретке, будто школьница. Онемевшая.

– Хотела бы я сказать, что так случается не всегда, но вообще-то тут бывает нелегко. По словам врачей, они еще не видели ранений хуже. Это душераздирающе – то, что творится с этими беднягами.

– Я говорила с ним час назад.

– Не вини себя. – Вайолет начинает закалывать густые пряди наверх. – Если кто и виноват, так это сестра Меррик. Нельзя было так давить на тебя в первый же день. Давай-ка раздобудем тебе покушать... ты вообще сегодня что-нибудь ела? А потом в постель и спать.

После ужина Вайолет уходит: начинается ее смена, по-этому Энни отправляется побродить, подышать свежим воздухом, прежде чем лечь спать. Она смотрит на воду, как та непрерывно поднимается и опускается. Энни подставляет лицо ветру и вспоминает, каково это – быть в море. Все время двигаться вперед, к чему-то невидимому – снова к берегу или всего лишь к представлению о нем.

– И кого же я вижу! Ну что, Расскажи, как первый день? –

рядом с ней у перил вдруг оказывается Чарли Эппинг с самокруткой в зубах. Ветер приносит дым Энни в лицо.

– Все немного... чересчур. – Ей трудно смотреть ему в глаза.

– Поначалу всегда тяжело. Все наладится. – Чарли снова затягивается. – Ты крепкая девчонка, выживешь. Откуда мне знать? Потому что ты выбралась с «Титаника». Не расскажешь, как все было? Вайолет не любит распространяться.

– А не испугаешься?

Над их головами пролетает струйка дыма.

– Не-а. Считаю, раз там кто-то выжил, значит, случись что с этим стариной, мы тоже выкарабкаемся.

Что она помнит о своем пребывании на «Титанике»? Нужно лишь закрыть глаза – и все возвращается. Коридоры, суэта, шум. Страхи, шепотки, секреты. Скрытое желание. Удары волн о борта, так далеко внизу, что их пена казалась игрой света, а не смертельным холодом, которым была на самом деле. Падение. Крики. Темнота ночи и маленькие спасательные ракеты, тщетно подпрыгивавшие, пока одна за другой не погасли.

Энни выбирает безопасное воспоминание, такое, чтобы не напугать.

– Я в основном помню, какой холодной была вода. – Она машинально потирает плечи, будто может стереть с себя этот призрачный холод.

– Вайолет говорила, ты прыгнула спасать ребенка.

Энни чувствует глухой удар в затылок, словно молотком о колокол.

– Да... Точно. Да.

Как она могла забыть?

– Тогда вы героиня, мисс Хеббли, – со смехом произносит Чарли.

И все же при этом воспоминании она ощущает только холод и пустоту, а вовсе не героизм. И совершенно не помнит, что было потом.

Она снова смотрит через перила на волны, бьющиеся о борт корабля. Темная серовато-зеленая вода, оборчатые белые гребни. Ветер дразнит выбившиеся пряди волос, бросая их в глаза... и она вновь чувствует вокруг себя воду, обволакивающую, зовущую – некую силу, которую она познала так близко, но не могла дать ей название. Некий голос, зовущий домой.

1912

Глава четвертая

10 апреля 1912 г.

Саутгемптон, Англия

Энни сверилась с крошечными часиками, приколотыми к переднику, и ахнула. Уже 8:38 утра, а посадка пассажиров начнется в десять. Капитан Эдвард Джон Смит ясно дал понять, что все должны придерживаться его графика.

Когда она откинула прядь волос назад, пальцы задели цепочку украшения, которое она всегда носила, — тонкого золотого крестика. Должно быть, выскользнул из-под выреза блузки. Энни быстро заправила его на место. Католиков среди персонала предупредили, чтобы во время путешествия они не держали свои религиозные символы на виду: никаких четок, медальонов со святыми, крестиков. Однако Энни успокаивало ощущение прохладного металла на коже.

Она вернулась к прежнему занятию и убрала последнюю салфетку из дамста, изящно свернутую в виде лебедя. Было время, когда обширный обеденный зал и его эхо заставляли Энни содрогаться, но она привыкла, что гигантский корабль пуст. И он действительно казался совсем пустым, даже с по-

что девятью сотнями членов экипажа на борту. Энни не могла даже представить, что будет, когда к ним присоединятся тысячи пассажиров.

Теперь «Титаник» стал для нее больше, чем домом, — он был ее миром. словно ее жизнь началась именно в тот день, когда она ступила на корабль, будто она выползла из своего прошлого, как из могилы, и возродилась на свежем морском воздухе. Она словно училась всему заново, подобно ребенку: как правильно носить накрахмаленную униформу «Уайт Стар Лайн», как выражаться внятно, несмотря на ирландский акцент, как ходить по мягко покачивающемуся кораблю.

Энни твердо решила не пугаться всей этой новизны, а лучше погрузиться в работу. На этом огромном корабле никогда не было недостатка в делах. Уложить свежееглаженные скатерти в бельевые шкафы. Застелить постели; ей говорили, что на борту семь тысяч пятьсот одеял, и временами ей казалось, что она разгладила, подоткнула и завернула все до единого. Подсчет чашек, блюдец, стаканов, наборов изысканной, дорогой посуды — достаточно, чтобы у каждого мужчины, женщины и ребенка в первом классе был полный набор, — и занесение цифр в бухгалтерскую книгу квартирмейстера, чтобы затем, когда корабль пришвартуется в Америке, проверить количество разбитых. Весь персонал трудился от рассвета до заката, и это на пустом корабле. Энни не могла представить, как справится, когда двенадцать назначенных

ей кают заполнятся настоящими живыми пассажирами.

«Будешь на ногах по пятнадцать часов», – предупреждала соседка по комнате, Вайолет Джессоп. Энни была рада, что ее поставили в пару с Вайолет, девушкой из Лондона, которая много лет работала на кораблях и была в глазах Энни невероятно умудренной.

Вечером, закончив работу на сегодня, Вайолет наставляла Энни о том, чего ожидать от пассажиров.

– Я родом из маленькой деревни в Ирландии, – призналась ей в первый день Энни. – У нас никогда не было слуг. Я не знаю, как мне себя вести.

Вайолет поразило, что Энни вообще получила эту работу.

– «Уайт Стар» отбирают женщин крайне придирчиво, – пояснила она.

Вайолет знала об этом не понаслышке. Чтобы получить должность, ей пришлось преодолеть немало трудностей, потому как господа, ее нанимавшие, подозревали, что молодые и красивые девушки вроде Вайолет будут отвлекать мужскую половину пассажиров и членов экипажа. Либо уволятся в течение года, чтобы выскочить замуж.

Энни пожала плечами.

– Может, решили, что я достаточно незаметная. И я сказала, что горю желанием помочь.

– Ничего удивительного, – Вайолет сощурилась. – Наверняка именно твоя *заботливая* натура и убедила менеджера по найму рискнуть. Просто помни правило: не переусерд-

ствовать с заботой. Некоторые мужчины попытаются прощупать, как много им в итоге сойдет с рук, особенно если они решат, что ты наивная. — Она выгнула бровь. — Впрочем, если собираешься влюбиться в пассажира, то лучше уж богач, чем бедняк. На «Титанике» поплывут очень состоятельные люди. Женщины с драгоценными камнями таких размеров, что глаза слезятся от одного вида. Младенцы с золотыми кольцами для прорезывания зубов. Вот увидишь.

И теперь, меньше чем через час, она действительно увидит.

Энни, воспользовавшись моментом, полюбовалась тем, что окружало ее в необъятной тишине пустого пространства. Энни любила этот корабль; она никогда прежде не бывала на чем-то таком же большом и красивом. Ей нравилось прикасаться к тарелкам в обеденном зале, где она будет прислуживать в составе персонала, и поражаться фарфору, такому изящному и невероятно тонкому, словно бумага. Нравилось прогуливаться по каютам с шелковыми обоями, превосходной мебелью, хрустальными люстрами и отделкой из красного дерева — по образцу легендарного отеля «Ритц» в Лондоне, как с гордостью рассказывали Энни, пока она обучалась, — и притворяться, что это принадлежит ей, что все это ее. Она могла пропустить мимо ушей случайный окрик товарища по работе или стук и грохот молотка во время наведения последних штрихов, отгородиться от всего, кроме тонкого звона хрустальных капель над головой.

Готовы ли они принять пассажиров – Энни гадала, разглаживая скатерть напоследок. Готова ли она сама утратить величественную тишину своего корабля?

В дальнем конце обеденного зала возник стюард с колокольчиками. Три звонка. До посадки остался час.

– Старший стюард назначил собрание в курительной первого класса, – позвал вошедший и тут же удалился.

Не повезло. Курительная комната первого класса находилась тремя палубами выше. Пришлось поторопиться.

Спеша по коридору, Энни встретила Джона Старра Марча, который направлялся в противоположную сторону, и улыбнулась, когда он коснулся козырька и кивнул ей. Джон был много старше, ровесник ее отца. Он служил почтовым клерком и отвечал за почтовые мешки, которые грузили на «Титаник» для доставки в Нью-Йорк, однако также должен был помогать персоналу по снабжению продовольствием. Среди работников Джон считался в некотором роде знаменитостью, потому что пережил восемь происшествий в море. «Раз в год, как по часам, – поделился он с Энни, смеясь. – Я уже даже не задумываюсь. Такая у меня работа». Присутствие Джона Марча на борту обнадеживало Энни, как и многих новичков.

В курительной она с облегчением обнаружила, что пришла не последней. Скользнув на свободное место рядом с Вайолет, она вздрогнула – подруга схватила ее за руку. Энни осознала, что к ней прикоснулся другой человек, впервые

с тех пор, как она покинула дом. Она поразилась тому, что сделал этот маленький жест – она внезапно почувствовала себя заземленной, защищенной.

Остальные собравшиеся стюарды напоминали ей бедняков Белфаста: изможденные, с беспокойными глазами, встревоженные. Некоторые были полными, раздутыми от диеты из картофеля и капусты и от выпивки. Женщин – лишь около двух дюжин, и они с Вайолет одни из самых юных; компания печально славилась убеждением, что молодые одинокие женщины, которые служат на корабле, приводят к моральному разложению, и почти всегда отказывалась их нанимать. Энни не могла с уверенностью сказать, что они не правы, если судить по поведению, которое она наблюдала на палубах для персонала в нерабочее время. Женщины, как и мужчины, бродили из каюты в каюту, прихватив крепкое пиво или виски, в поисках собутыльника; в коридорах играли в карты или кости. Мужчины шептали на ухо непристойности, когда думали, что им за это ничего не будет.

Но, с другой стороны, Энни удивляло почти все, что касалось пребывания на этом корабле: все вокруг было такое оживленное, энергичное и неудержимое. До этого единственным местом, где она оказывалась в обществе большой группы мужчин, была церковь по воскресеньям, и она знала имена каждого. Теперь эти имена растворились в легком весеннем тумане, ускользнув от нее.

Прошлое Энни – стремительно меркнувшее серовато-зеле-

ное видение. Все, что осталось, – едкий привкус во рту.

Вайолет еще раз сжала руку Энни, когда Эндрю Латимер, старший стюард, прочистил горло и прикрикнул, призывая беспокойно переговаривающихся стюардов и стюардесс к тишине. Энни проводила с Латимером не так много времени, однако у нее сложилось впечатление, что он знает свое дело и любит определенный порядок. А вот был ли он справедливым или добрым, Энни не имела понятия.

– С этого момента и до тех пор, пока мы не причалим к месту назначения, вы должны помнить, что ваша первостепенная задача – благополучие пассажиров. – Лицо Латимера над высоким белым воротником униформы было ярко-красным. – Независимо от предъявленных к вам требований, независимо от ваших иных обязанностей и задач, независимо от времени суток потребности пассажиров всегда стоят на первом месте.

У Энни сжалось нутро. Что это значит? Если Энни будет выполнять свое поручение, например нести еду тому, кто чувствует себя плохо и не может спуститься в обеденный зал, и ее остановит другой пассажир, который хочет, чтобы она принесла что-то из каюты, чему подчиняться? Она отвечала за дюжину кают, за группу пассажиров величиной практически с весь ее прежний приход, и должна была отвечать на все просьбы и призывы, удовлетворять любые прихоти – и это в дополнение к уборке кают, заправке кроватей и прислуживанию в обеденной зале во время приемов пищи.

– Вы должны поддерживать у наших пассажиров – у наших пассажиров первого класса – впечатление, что они остановились в отеле мирового класса. Да, мы гордимся «Титаником» – это лучший океанский лайнер класса люкс в мире, мы никогда не должны об этом забывать! Но мы обязаны подчеркивать, как много удобств доступно нашим пассажирам. Убедитесь, к примеру, что они знают о спортивном зале и библиотеке.

В библиотеке первого класса хранится тысяча книг, вспомнила Энни. Им так вбили в головы эти сведения, что цифры легко соскакивали с языка. Во втором классе – пятьсот.

Вес одних только книг и содержащихся в них историй казался ей слишком тяжелым для любого корабля. Бассейн с подогревом, всего шиллинг за посещение. Детская игровая комната. Прогулочные палубы.

– Вы также должны знать, о чем не следует говорить пассажирам, дабы не помешать им наслаждаться путешествием. – Латимер посмотрел на каждого присутствующего по очереди, как бы желая убедиться, что они все внимательно его слушают. – Фамильярность не поощряется. Не позволяйте втягивать себя в разговоры о себе. Не позволяйте обращаться к вам по имени.

Им уже вручили лист с напечатанными правилами, которые они должны были вы зубрить, но слышать их – совсем другое дело. Правила всегда помогали Энни ощутить себя в

безопасности.

Латимер помолчал. У него были очень темные глаза. Энни почувствовала, что, несмотря на цвет его лица, в нем было нечто бескровное, холодное, жесткое.

– Еще иногда бывают пассажиры с болезненным складом ума, которые могут заикнуться на страхе перед естественными угрозами, что несет в себе открытое море, – продолжал расхаживать туда-сюда Латимер. – Вы должны сделать все возможное, чтобы отвлечь их от подобных раздумий. Если вас спросят, заверьте, что «Уайт Стар Лайн» славится лучшей репутацией в области безопасности во всей отрасли, а затем переключите их внимание на вечернюю музыкальную программу, на шафлборд или игру в кольца.

Латимер закончил, как раз когда раздался звон: час прошел, и настал момент, который они все так ждали. В одно мгновение гул за железными переборками перерос в рев.

Латимер что-то выкрикнул, но на него уже никто не обратил внимания. Энни выбежала вместе с остальными и, охнув, судорожно вцепилась в перила.

Причал внизу кишел людьми. Они стояли в очередях и ожидали, когда их пустят по трапам, нетерпеливо налегая на цепи. Сыпали наружу из экипажей. Читали нотации грузчикам, которым приходилось помучиться с их багажом. Так много людей, больше, чем Энни когда-либо видела одновременно. От одного только зрелища у нее закружилась голова.

Пассажиры были разделены на классы. У дальнего конца

корабля – третий. В основном мужчины в рабочей одежде – лучшей, что у них была, с вещевыми мешками на плечах, как у моряков. Затем шел второй – опять же в основном мужчины, получше одетые, в выходных костюмах. Крепкие середняки: лавочники, проповедники, учителя и подобные.

А вот первый класс был совсем иным. Мужчин и женщин поровну, все разодетые едва ли не в королевское облачение – Энни видела такое разве что в журналах; в Баллинтое никто не мог позволить себе такую одежду. Шелка, атлас и страусиные перья, ленты без конца и края. Платья, которые могла сшить лишь лучшая швея – так точно они облегали фигуры их обладательниц. У большинства за спиной стояли один или двое слуг, чопорные, в черной униформе; они несли чемоданы или присматривали за детьми. Энни силилась рассмотреть у кого-нибудь золотое кольцо для прорезывания зубов, хотя была вполне уверена, что Вайолет ее просто разыгрывала; золото слишком мягкое, чтобы его так грызть и не поломать, это понимала даже сельская девчонка.

Ровно в десять часов утра цепи, преграждающие проход, были опущены, и люди хлынули на трапы. Энни казалось, будто по палубам разлилась темная бурлящая волна, угрожающая ее утопить. Энни попятилась. Давка тел, какофония голосов... для нее все это, после относительной тишины последней недели, было слишком. Энни боролась с безумным желанием убежать, спрятаться в комнате, которую она делила с Вайолет, и каким-то образом ускользнуть с кораб-

ля прежде, чем он покинет гавань. Она перевела дыхание. Пусть она и была напугана, но чувствовала всем существом: это мгновение, этот корабль – вот ее судьба.

Энни развернулась – и тут же отпрыгнула назад. Перед ней откуда-то возник молодой человек немногим старше ее, с ребенком на руках, которого он пытался успокоить и укачать. Энни тут же преисполнилась сочувствия. Он выглядел таким несчастным, неспособный унять свое дитя, которое извивалось, неприкаянное и недовольное. Младенцу Энни тоже сочувствовала – тот, несомненно, желал вернуться в прохладу детской, где ему было спокойно и уютно.

– Могу я помочь? – удалось ей выдать каким-то образом.

Молодой человек распахнул глаза и окинул ее взглядом. Глаза были добрые, серо-голубые, как полумрак пещеры. И почему-то знакомые.

– О... простите! Не заметил вас.

Ребенок заворковал, и все шерстяное пальто пассажира оказалось заляпано спереди белой жижей.

– Позвольте, я помогу.

Энни вытащила из кармана тряпочку для уборки и потянулась за ребенком. Мужчина передал его с готовностью, словно повинуюсь инстинкту.

Ребенку было не больше нескольких месяцев. Крошечное, но здоровое создание с темными глазами и прядями светлых медово-русых волос, выглядывающих из-под чепчика.

Малыш удобно, почти привычно лег в руки Энни, хотя она почти не имела опыта обращения с младенцами, так как была младшим ребенком в семье.

Однако дитя вскоре умолкло, поерзав и уткнувшись Энни в грудь носиком.

Молодой отец промокнул пальто тряпочкой.

– А вы ей понравились, да?

Он был красив, заметила Энни теперь, когда он больше не выглядел столь обеспокоенно. И в нем было что-то настолько знакомое, что Энни почти ни о чем другом не могла думать. В голове звучало нечто похожее на сигнал тревоги. «Вы когда-нибудь бывали в Баллентое?» – хотелось ей спросить. Но сама идея казалась нелепой. Лондонцы не ездили в Баллентой.

– Такая красавица, и здоровенькая, – произнесла Энни вместо этого.

Крошечный розовый кулачок вдруг поднялся к ее лицу, пытаясь ухватиться за подбородок. Мужчина с улыбкой покачал головой.

– Чувствует себя как дома. Мисс?..

– Стюардесса Хеббли.

– Что ж, мисс Хеббли, вы посланы мне небесами. Очень благодарен вам за помощь.

– Могу я проводить вас в каюту? Номер каюты, пожалуйста?

Он вытащил билет и показал ей, будто сам не был до кон-

да уверен. Энни с разочарованием поняла, что в число введенных ей он не входит.

Марк Флетчер. По телу Энни вдруг прошел еще один разряд чистого электричества. «Я знаю вас», – хотелось сказать ей. И в то же время она понимала, что это не так, что они никогда не встречались, что этот красивый мужчина, который казался таким знакомым, на самом деле был ей незнаком.

– С удовольствием покажу вам, как пройти, мистер Флетчер. Проследуете за мной?..

Однако в этот момент с трапа сошла женщина и протянула мужу руку. Энни ощутила неуместный укол разочарования. Неужели надеялась, что матери у этой малышки каким-то образом не было? Каким ужасным было бы это желание. И все же чувство, которое она испытала при виде Марка Флетчера, стало таким внезапным, острым, почти животным.

Кажется, она была обречена тянуться к мужчинам вне ее досягаемости.

Женщина, что появилась рядом с Марком, была невероятна – самоуверенность, блеск, фейерверк в человеческом облике, уверенная в силе собственного счастья. Она была одета как королева из сказки, которые выдумывала Энни; одна только шляпка, с тонкой, изящной сеточкой, которая идеально оттеняла ее лицо... одна лишь шляпка стоила бы зарплаты Энни за целый год. Эта женщина была будто бы из тех молодых матерей, которые смотрятся беззаботно и легко, и ребенок для них не обуза, а красивая вещица в их коллекции

чудес.

– Прости, что задержалась, – обратилась она к Марку, и Энни мгновенно услышала резкий звон американского акцента, тягучего и небрежного, – я увидела на пирсе ван Алленов, хотела их поблагодарить за тот вечер...

Она устремила темные глаза на Энни, в ее взгляде не было строгости.

– А это кто?

– Я нашел стюардессу, она проводит нас в каюту, – Марк представил их друг другу, забирая у Энни малышку и передавая ее немолодой женщине, которая возникла рядом с его женой. Няня, разумеется.

Энни остро ощутила, как ребенок вдруг пропал из ее рук.

– Пойдем? – миссис Флетчер взяла мужа под локоть.

Флетчеры приобрели билеты в люкс сразу за рядом кают, которые были отведены Энни, с гостиной в дополнение к спальне. Няню разместили внизу вместе с другими слугами и командой. Багаж уже был доставлен и свален кучей около двери: огромный сундук, шляпные коробки, полдюжины чемоданов поменьше. Два потрепанных саквояжа – наверное, нянюшкины. Маленькая колыбелька.

Такая груда застигла Энни врасплох.

– Надолго в Америку? – спросила она, когда няня поспешила с ребенком в спальню: вероятно, заняться испачканным подгузником. – Или вы там живете?

Женщина проследила за взглядом Энни и рассмеялась.

– Вы про все это? Вынужденная необходимость при путешествии с младенцем. – Она вытащила из шляпки булавки, положила ее на стол и распушила легкие волны золотисто-каштановых волос. – А как насчет вас, моя дорогая? Впервые в Америку?

– Да, мэм, – произнесла Энни и сразу же пожалела. Считается ли такое разговором о личном?

– Собираетесь там остаться? Слышала, многие подписались на эту работу, чтобы туда попасть.

Так, наверное, и было. Энни слышала такого рода разговоры поздними ночами в каютах экипажа, когда лились пиво и джин. Однако она боялась сказать слишком много, в ушах звенело предупреждение старшего стюарда. Никакой излишней фамильярности.

– Я? Нет, мэм. То есть я еще не решила.

На самом деле Энни вообще не думала о будущем, оставаясь здесь и сейчас.

– Но вы не против маленького приключения, правда?

Вопрос был достаточно невинным, однако Энни стало немного не по себе, поэтому она решила, что лучше промолчать. В этот же момент Марк Флетчер принялся расхаживать по каюте, распаковывая вещи. Энни остро ощущала, что он сзади, что ходит туда-сюда, его присутствие обжигало ей спину словно солнце.

Женщина улыбнулась – тепло, искренне, хотя в ее глазах мелькнуло нечто, отчего Энни вновь испытала неловкость.

– Меня зовут Кэролайн Флетчер.

– Рада познакомиться с вами, миссис Флетчер, – Энни присела в книксене, и женщина рассмеялась.

– Не называйте меня так. Мы ведь почти ровесницы, правда?

Энни понимала, что никто не хотел ее задеть – это было лишь еще одно проявление американского дружелюбия, – но невольно ощутила свою бедность по сравнению с положением миссис Флетчер. Одинокая стюардесса, чьи пожитки наверняка уместились бы и в одну из этих шляпных коробок.

– А как я могу называть вас? – спросила женщина, кружась по комнате и распаковывая ослепительный набор личных вещей так легко и привычно, что у Энни едва не закружилась голова.

– Можно просто Энни, – отозвалась она, наблюдая, как миссис Флетчер открыла один из самых больших чемоданов и начала развешивать столько ярких платьев, что и за месяц не надеть, не говоря уже о недельном путешествии на корабле. Энни попыталась помочь, пристроив несколько книг на боковом столике, в то время как Кэролайн, взявшись за шка-тулки, открывала их, чтобы выставить серебряные и золотые подвески и кольца напоказ, словно люкс был ее личной ювелирной лавкой. Зачем нужно столько драгоценностей? Не говоря уже о том, чтобы беззаботно выставлять их вот так напоказ – кто угодно ведь может увидеть и позариться. Ожерелья, браслеты, блестящая брошь размером почти с кулак

Энни.

Впрочем, прежде чем она успела что-то сказать, в открытую дверь постучали. В каюту заглянул, словно сквозь решетку местного зоопарка, пожилой мужчина.

Марк, раскладывавший расчески и туалетные принадлежности, выпрямился.

– Могу я чем-нибудь помочь? Как видите, эта каюта занята...

Вопрос, казалось, позабавил мужчину.

– Благодарю, любезный, однако моя каюта как раз по соседству.

Незнакомец выглядел как-то не так. Такого старухи в деревне Энни назвали бы чудачком. Все дело в бороде, решила Энни, густой седой бороде, растрепанной и неухоженной на конце – она выглядела странно на фоне дорогой одежды. И глаза – они постоянно что-то искали, то поднимаясь, то снова опускаясь.

– Услышал голоса и подумал, что надо бы проверить, вдруг поблизости стюард. – Его голос затих, а взгляд наконец остановился на Энни.

Соседняя каюта и правда находилась в ее ведении. Энни сделала книксен, слегка радуясь, что избавилась от назойливого, пусть и доброжелательного любопытства Кэролайн.

– Вы не ошиблись, сэр, ваша каюта и впрямь под моей ответственностью. И если я больше не понадобится этим пассажирам...

Пожилой мужчина кивнул.

– Конечно-конечно. Не хочу причинять неудобств. Не собирался вас похищать...

– Никаких неудобств, сэр, – бодро отозвалась Кэролайн. Энни заметила, как дернулась рука, которой она взмахнула. – Мисс Хеббли нам уже не нужна, верно, Марк? Она свободна и может идти.

Энни подавила желание попросить позволения еще раз взглянуть на ребенка. Она в очередной раз присела в реверансе, избегая взгляда Марка Флетчера – не уверенная, сумеет ли сдержаться, – а затем закрыла за собой дверь каюты и последовала за стариком в толпу пассажиров, пробирающихся по узкому коридору.

– Неужто меня и впрямь будет обслуживать женщина? – он искоса взглянул на Энни. – Необычно для мужчины, путешествующего в одиночку.

Она вздрогнула, затем сложила руки, чтобы ничего не терять.

– Нам отведены группы кают, – пояснила Энни. – Но я могу попросить старшего стюарда назначить вам мужчину, если вы пожелаете, сэр.

Придется побегать в разные концы палубы, однако это можно устроить.

Он склонил голову, будто внимая голосу, что слышал лишь он.

– О, да бог с ним. Уверен, что разницы не будет. – Затем

в качестве представления сказал: — Уильям Томас Стед. Вы знаете, кто я такой?

Энни, разумеется, не знала, но не хотела, чтобы он так думал. Она поколебалась.

— Мне следует, сэр?

Стед отпрянул, и Энни испугалась, не задела ли его чувства.

— Нет, полагаю, что нет, нет... Просто людям нравится меня обсуждать. У них у всех свое мнение.

— И какое же мнение должно быть у меня? — Энни спрашивала искренне, однако Стед улыбнулся, будто она пошутила.

— Ну, я прежде всего газетчик. — Затем его лицо помрачнело — словно его вниманием вновь овладел неслышный голос.

Стед распахнул дверь в свою каюту и, когда Энни вошла, искоса на нее взглянул, но она сделала вид, что не заметила.

Энни отметила, что для одного человека эта каюта довольно велика. Даже больше, чем у Флетчеров; в прихожей стоял стол со стульями, и от спальни ее отделяла дверь.

У Стеда оказался длинный список вещей, требующих внимания Энни: дополнительные одеяла и письменные принадлежности, более плотные шторы для иллюминатора, свечи (электрическое освещение вредит здоровью, настаивал он), подушка из утиных, а не куриных перьев. Стед поделился с Энни своими предпочтениями на завтрак (овсянка на

сливках, два утиных яйца всмятку – перепелиные, если утиных нет, куриные лишь в крайнем случае, и все должно быть доставлено к его двери не позднее половины шестого утра) и строго приказал не беспокоить его в промежуток между двумя и четырьмя часами утра (кому, по его мнению, понадобится беспокоить его в такое время, удивилась Энни, но уточнять не стала). Он пояснил, что в это время работает над речами и колонками и его нельзя отвлекать. Энни пообещала разыскать потерявшуюся часть багажа, и ее отпустили.

Энни вышла в коридор и перевела дыхание. Она видела яйца в одной из прохладных, темных кладовых – сорок тысяч, говорил повар, показывая ей стеллажи с упаковками, которые высились до самого потолка, – но была почти уверена, что там нет ни одного утиного или перепелиного. Энни не знала, что скажет этому мужчине, из-за которого наверняка будет сбиваться с ног каждый день. Она надеялась, что остальные ее пассажиры не окажутся столь же требовательными.

В коридоре было столько суеты. Пассажиры в замешательстве возбужденно метались вокруг в попытке увидеть все и сразу. Стюарды сновали туда-сюда словно испуганные кролики.

К ней шагнула Вайолет.

– Ты в порядке, Энни? Что-то случилось?

– Просто делами завалило.

Вайолет поморщилась.

– Понимаю. Ты вообще когда-нибудь видела такие толпы? Как будто на борт одного корабля втиснулся весь Лондон. Слышала? Среди них парочка профессиональных боксеров. Я их видела – здоровяка-шатена и блондина поменьше ростом. Ты еще никогда не встречала мужчин с такой горой мышц!

Энни хотела было что-то сказать, но к ним подошел Томас Уайтли, один из помощников старшего стюарда.

– Проблемы, дамы? Нет? Тогда предлагаю вам вернуться к работе. Сейчас не время для болтовни.

Когда женщины начали расходиться, Уайтли поднял палец.

– Минутку, Энни. Мистер Латимер просил меня передать, что твоей помощью интересовалась пара из каюты си – восемьдесят пять. Они спрашивали о тебе лично. Сказали, мол, их няня загружена и нуждается в подмоге. Только по запросу – это не должно мешать твоим обычным обязанностям. – Уайтли, должно быть, неверно истолковал выражение ее лица, поскольку быстро добавил: – За эту услугу они обещали доплатить. Если думаешь, что не справишься...

Энни думала о пушистых волосах малышки, о ее сладком запахе. О нежной, словно лепесток розы, коже. Она думала и о глазах Марка, о надвигающейся буре в них.

– О нет, вовсе нет. С удовольствием.

– Вот и умница. Именно это мистер Латимер и любит слышать.

Но после того, как Уайтли ушел, Энни ощутила, как ее охватывает нечто, похожее на страх. Она знала это чувство. Желание. Стыд.

«Я никогда не останусь наедине с Марком Флетчером», – пообещала она себе.

«Клянусь», – подумала она, потянувшись под воротник униформы в поисках распятия, которое висело у нее на шее с тех пор, как она была маленькой.

«Поклянись на кресте, перед всем добрым и святым. Господь благоволит хорошим девочкам, Энни».

Но крестика не было. В суматохе дня цепочка, должно быть, порвалась, и он пропал.

Глава пятая

Дэвид Джон Боуэн снял кольцо с мизинца потной правой руки и опустил в карман жилета, прежде чем повесить одежду на крючок в раздевалке спортивного зала. Это было простое латунное кольцо с маленькой выгравированной буквой «Б», не слишком дорогое, и даже не стоило утруждать себя тем, чтобы его прятать.

Сила привычки. И каким бы обычным оно ни было, кольцо имело для него личную ценность. Оно принадлежало его отцу. Он не знал, где папаша его взял – мог и украсть, – но теперь оно принадлежало Даю, и тот не собирался его терять. Не то чтобы у него были основания полагать, что кто-нибудь из прекрасных дам и джентльменов в спортивном зале для пассажиров первого класса опустится до кражи латунного кольца-печатки. А вот внизу дело обстояло иначе. В третьем классе нашлось несколько отчаянных персонажей – за свою жизнь он повидал достаточно мелких воришек, чтобы это заметить.

Лесли Уильямс усмехнулся, снимая пиджак и жилет. Бесстрашный Лес. Стремительный. Вообще-то это ему принадлежала мысль купить билеты. Америка – вот где водились деньги. «Человеку с талантами Дая было бы глупо туда не по-ехать», – сказал Лес. Он слышал, например, о боксере, который за один только титульный бой заработал пятнадцать

тысяч.

Покупая билеты, они доплатили за посещение спортивного зала. Он оказался неплох, но не похож на тот, что в Понтиприте, где тренировались они с Лесли. Тот – строго для боксеров. С настоящим рингом, боксерскими грушами, мячами для упражнений. Там пахло потом, дымом сигар и кровью. А этот – для богатых лондонцев; с гимнастическим конем, булавами и матами для акробатических упражнений.

Очевидно, прошел слух о том, что два профессиональных боксера намереваются провести спарринг, судя по небольшой толпе, собравшейся посмотреть. Что, впрочем, не стало неожиданностью. Лес всегда притягивал толпы, куда бы ни шел. Это все его улыбка, его бравада, его любовь хорошо проводить время – и что-то еще, что люди не могли назвать, но хотели от него, даже не зная, что хотят. Когда дело касалось Лесли Уильямса, женщины имели обыкновение терять нижнее белье, а мужчины – кошельки или достоинство. Сегодня днем женщин было немного; вероятно, остальные все еще увлеченно распаковывали вещи по каютам, каждая размером с четыре общих каюты в третьем классе, или дремали после долгого обеда. Дай был разочарован. Ему нравилось, как на него смотрели эти богатые женщины. Он был мужчиной иной породы, не такой, как их мужья и любовники. Им нравились его мускулы, они хотели посмотреть, как он их использует. «В этих глазах светятся деньги», – сказал бы Лес.

Ну, женщин, может, в толпе и было немного, зато мужчин

– хоть отбавляй, и Даю показалось, что он узнал нескольких щеголей, на которых ему мимоходом указали: Джон Джейкоб Астор, считающийся богатейшим человеком Америки, и Бенджамин Гуггенхайм, не совсем равный Астору по средствам, но вдвойне превосходящий его по апломбу. Сэр Космо Дафф-Гордон, муж богатой светской модистки.

Они с Лесли легко расчистили себе пространство: немногие посетители, которые пришли сюда на тренировку в спортивных костюмчиках, робко скрылись из виду. Это место стало их собственностью. Дай сжал и разжал кулаки. Они с Лесли бились голыми руками. Они были в майках и повседневных брюках – так лучше для представления. Когда пуговицы летят во все стороны. Когда сквозь плотный хлопок просачивается пот.

Дай расправил плечи, стоя напротив Лесли, поднял кулаки, как делал это тысячу раз, и будто взял мальчишеское лицо Леса на прицел. Лесли подмигнул, сверкнул улыбкой: давай устроим шоу.

Дай наносил отмеренные короткие удары, которые со стороны выглядели более впечатляющими, нежели были на самом деле. Лесли держался так, чтобы удары, казалось, проходили в дюйме от его лица. Он умел отскочить назад в последний момент. Лесли был невероятно легконогим; «годы побегов», – как он это объяснял сам. Относясь к категории легчайшего веса, Лес был почти на два стоуна легче Дая, да и руки у него были и близко не такие. Лесли, может, и умел

двигаться, но на стороне Дая оставался навык и вес. Если бы они дрались как положено, он победил бы Лесли за каких-то два раунда; иногда ему ужасно хотелось показать всем правду. Настоящую правду.

Краем глаза Дай увидел, как богатые щеголи с чистыми белыми ручками сгруппировались и следят за каждым его движением, уже делая ставки.

– Дам два к одному на темненького... есть желающие?

– Дай мне три к одному.

– По рукам.

Всего спустя несколько минут они неплохо разогрелись. Светлые кудри Лесли прилипали к взмокшему лбу, майка просвечивалась от пота, а мышцы на плечах блестели, словно смазанные маслом. Вот такой Лес нравился Даю больше всего: голубые глаза горят, все мышцы напряжены, дыхание жесткое, ритмичное. Во время такого спарринга Лес будто принадлежал только ему. С момента посадки их окружали незнакомые люди; в третьем классе были люди, куда ни плюнь, по четыре пассажира в каюте. Тем не менее лучше так, чем общая комната с двухэтажными кроватями, занимающая середину одной палубы, где теснились двести тел.

Дай нанес удар, а затем явно открылся, практически вызывая Лесли не остаться в стороне и треснуть его по челюсти. Лесли возможностью не воспользовался. Дай попробовал еще раз, поколебавшись целую секунду – чего никогда бы не сделал на ринге, где секунды были равны целой жизни.

Это было равносильно тому, чтобы умолять Лесли его ударить. Выстрелить.

На этот раз Лес понял намек. Ему удалось нанести быстрый апперкот в подбородок Дая и отбросить его на два шага. Чувствуя, как заскрежетали зубы, Дай расслышал рев толпы. Подавив желание ударить в ответ, он шатнулся вперед и упал в объятия Лесли. Они влажно прижались друг к другу грудью. Ушибленный подбородок покоился на плече Лесли. Дыхание Лесли шумело над ухом. А затем Лесли его оттолкнул.

Все было кончено. Позади них слышались ругань, шлепки бумаги и плоти. Звуки денег, переходящих из рук в руки. Дай взял полотенце. Черт, махровое! Полотенца богачев, еще и новенькие. В третьем классе они похожи на мешковину.

– Это мы, знаешь ли, зря, – Лесли ткнул пальцем Даю в грудь. – Ты должен был выиграть. Они ждали твоей победы. Сперва их надо прикормить, успокоить. А потом уже ударить. – Он посмотрел через плечо Дая на расплачивающихся друг с другом мужчин. – У нас было бы больше шансов. А так выгоду получают лишь они, и они едва ли в ней нуждаются...

Лес кисло уставился на деньги, переходящие из одних рук в другие, но затем – возможно, ощутив неодобрение Дая – оторвал взгляд. И хлопнул Дая по животу.

– Не важно... Что сделано, то сделано. У нас еще будет шанс. Когда мы еще получим доступ к такому сборищу на-

крахмаленных воротничков одновременно?

У Дая сжалось нутро.

– Нет, Лес. Уж слишком опасно.

Их зрители начали расходиться, возвращаясь в гостиные и личные комнаты. Даже вытираясь полотенцем, Лесли наблюдал за ними – за женщинами в спортивных костюмах с объемными панталонами, собранными на коленях, в которых они выглядели немного по-детски, но затем превращались обратно во взрослых женщин, напудренных, в перьях, словно экзотические птицы.

– Как думаешь, – продолжил Лес, пропуская слова Дая мимо ушей, – трехкарточный монте?

– С нами нет Мыла, – тянул время Дай.

Чтобы провернуть этот трюк, они обычно работали с мошенником по имени Мыльный Марвин. Тот еще ловкач. Ни один боксер с разбитыми костяшками, с распухшими пальцами не обладал достаточной проворностью для аферы на ловкость рук. Дай и Лесли работали в толпе. В первом раунде обычно побеждал Лесли: с его природным обаянием он умел хвастать своей удачей и делать так, чтобы игра казалась легкой. Дай был подстрекателем, он вмешивался и перебивал ставку жертвы, если тому случалось выбрать верную карту, чтобы они не потеряли кучу денег. А еще он мог быть вышибалой, если дело принимало жаркий оборот; эта роль ему не нравилась – задирать людей, которые имели право задавать вопросы.

Они выросли в худшем районе Понтиприта, и почти все, кого они знали, в то или иное время оказывались замешаны в аферах. Дай мог понять необходимость схитрить. Но ненавидел ложь.

– Это светские люди. Их так просто не одурачишь.

– А мы не будем пытаться со всеми. Выберем цель. Эдакий междусобойчик. Чисто для своих.

Эти губы. Эта улыбка.

– Нет. Слишком опасно. – Они же застрянут здесь как минимум на неделю.

Лесли помрачнел. Словно солнце скрылось за тучами.

– Ладно. Я придумаю что-нибудь другое.

И тем не менее Дай знал, чем все кончится. Он не мог долго отказывать Лесли. Никто не мог. Лес уже шагнул прочь.

– Пошли наверх, – сказал он через плечо, – примерим одежду для ужина. Если собираемся есть с королевскими особами, надо бы попытаться сперва довести до ума свой вид...

– Лес, нет.

– Сегодня самое время нанести удар, – продолжал Лес. – Эти джентльмены только что нас видели. Они будут рады пообщаться с нами, с профессионалами. Вымойся, и встретимся на палубе.

Именно Лесли, разумеется, уговорил его заказать костюмы для поездки. Они даже пропустили более ранний рейс, которым изначально должны были отправиться в Америку,

потому что чертовы костюмы не успели пошить.

Лесли взялся за дверь в раздевалку, но замер, и теперь Дай понял почему. На противоположной стороне спортивного зала стояла женщина в белой теннисной форме. Она улыбалась им – нет, она улыбалась Лесли. Она была старше Леса лет на десять, может больше, но любой, кто мог позволить себе одежду для игры в теннис, в настоящее время оказывался достаточно привлекателен.

«Стой», – чуть не сказал Дай.

Однако Лес уже развернулся. И нацелился на женщину в белом, несомненно, чтобы предложить ей пару-тройку советов, как держать ракетку – спаситель с наброшенным на плечи, словно плащ, полотенцем. Эта улыбка. Опасно.

Глава шестая

Самым замечательным в детстве было то, что никто не обращает на тебя внимания. А раз никто не обращал внимания, ты по большей части мог делать что тебе угодно, независимо от положения – пока тебя не поймают.

А Тедди превосходно умел не попадаться.

Он сжимал кулаки, заставляя мышцы вздуться, и мчался вверх по крутой черной лестнице. Тедди слышал, что до ужина валлийские боксеры, скорее всего, будут здесь, на большой палубе, и он хотел быть первым, кто с ними встретится. Его хозяйка, миссис Астор, только и говорила что о двух боксерах и об их бое сегодня днем в гимнастическом зале, и Тедди очень жалел, что не видел этого сам, не в последнюю очередь потому, что никогда не бывал в гимнастическом зале и только узнал, что такие бывают.

Как только Тедди толкнул дверь на прогулочную палубу, его ударил порыв ветра, но Тедди было плевать, что там так холодно и ветрено, а он без пальто. Вот такой Тедди крутой. Не важно, что он должен быть внизу и следить за Китти, эрдельтерьером мистера Астора (Китти! Какое глупое имя для собаки). Вот где происходило все действие: леди и джентльмены из первого класса как раз покидали каюты, и Тедди в мгновение ока оказался окружен яркими шелковыми юбками, плотными шерстяными пальто и радушным смехом бо-

гатеев. Так уж вышло, что роста в Тедди было ровно столько, чтобы прямо на уровне его лица растеклось море толстых пальцев пожилых дам, унизированных сверкающими кольцами, иногда по два на одном. Перед смертью матушка велела Тедди быть хорошим мальчиком, а брать вещи, которые ему не принадлежат, – это нехорошо. Но Тедди всегда считал, что блестящие вещи лучше всего, и когда увидел, сколько же блестящего перед его глазами, даже отвлекся от поиска боксеров и подумал: заметит ли кто, если одна или, ну, разве что две штучки пропадут, хотя бы ненадолго, чтобы он смог ими немного полюбоваться сам.

И тут произошло кое-что престраннейшее: Тедди послышалось цоканье, будто покойная матушка вдруг слышала его позорные мысли. Он обернулся, но ее, разумеется, нигде не было, а в духов Тедди не верил, что бы там хозяйка ни говорила. И этому его научила матушка: не верь тому, что говорят богачи. Господь свидетель, есть только жизнь и смерть, и ничего между ними.

Но потом... женский голос. Тихий, словно издалека.

Тедди развернулся и оглядел толпу, но так и не смог определить, откуда доносился звук; подумал, что на палубе, наверное, исполняют музыкальный номер. Тедди слышал, что на борту плывет знаменитая певица, а он любил певиц, хоть и не так сильно, как боксеров.

Тихая мелодия все звучала, Тедди не мог разобрать слов, и все же песня напомнила ему ту, которую пела матушка,

пока лущила горох для пюре им на ужин, когда Тедди был совсем маленьким. Очень красивая песня на древнем языке, которого он никогда не понимал, но от нее всегда по коже пробегали мурашки.

Как и сейчас – и дело было не только в отсутствии пальто.

Ветер взъерошил ему волосы, и Тедди направился к нему – к ветру или голосу, откуда бы тот ни доносился, – потому что внезапно понял, что должен разобраться. Должен увидеть эту певицу, которая была невидимой и которая была его мамушкой, хотя это, конечно, не так.

Ноги отяжелели. Цветные юбки задевали его руки, но он их не чувствовал. Он шел вперед. А впереди были перила, и за ними море, беспокойное и суровое. Волны – как синие волки. Он видел их белые клыки. Пели волки? Нет, волками управляла женщина, ведьма глубин, и это ее песня. Вот что он подумал, хотя знал, что звучит слишком похоже на детскую сказочку, а для них он уже становился слишком взрослым. Перила – и никто не смотрит. Металл обжег ладонь холодом, Тедди начал подниматься. Тедди никогда не разрешали смотреть на всякое интересное, а тут он возьмет и увидит первым. Он найдет женщину, которая поет эту прекрасную песню. Холод его не беспокоил. Холод теперь ему нравился. Тедди подтянулся. Песня превратилась в рев ветра. О, Тедди нравился этот рев.

Руки стягивали его с перил, и он сперва замер, а потом начал биться и вырываться. Кто бы его ни схватил, держал

крепко, и теперь песня стихла, и Тедди услышал, как все вокруг ахали и глазели, а он не привык, чтобы на него глазели.

– Тихо, малец, все будет хорошо! – крикнул мужчина.

Глаза Тедди прояснились, и на него, вытесняя гнев, нахлынула радость.

Его нашел боксер! Тедди узнал его по фотографии, которую показывала всем миссис Астор.

– Ты что делаешь? – мужчина встряхнул Тедди за плечи.

Тедди хотелось заплакать от стыда, но вместо этого он прикусил губу.

– Ничего, – ответил он. – Пожалуйста, не говорите никому.

Из всех людей он больше всего боялся расстроить боксера.

Боксер, которого называли Дай, присел так, чтобы они оказались лицом к лицу, и протянул Тедди свой носовой платок.

– Я понимаю. Я тоже слышал. Все в порядке. Ты в безопасности.

Он спросил Тедди, чей он: «Кто твоя хозяйка?» – и Тедди, замешкавшись на мгновение, чуть не указал на море: «Она». Но затем снова начал мыслить здраво и указал на столик, где сидела миссис Астор в обществе светских дам, которых недавно встретила; на всех под мехами красовались шелковые платья, ярко-голубые, кремовые, золотистые, а на пальцах сверкали блестящие украшения. Миссис Астор бы-

ла сильно моложе двух своих собеседниц, ближе к возрасту Тедди, чем эти взрослые женщины. Одна – Кэролайн Флетчер, а другая – леди Дафф-Гордон. Тедди знал их, потому что слуг заставляли заучивать имена всех новых друзей четы Асторов, а он схватывал все на лету.

Женщины были увлечены разговором, и Тедди занервничал, потому что не привык, чтобы его ловили. К тому же миссис Астор становилась все раздражительнее по мере того, как рос ее живот с ребенком внутри. Тедди попытался спрятаться за ногами Дая, но боксер подтолкнул его вперед.

– Простите, что прерываю, дамы, – произнес Дай, – но, быть может, этот бедный крошка принадлежит кому-нибудь из вас?

Хозяйка вскрикнула:

– Тедди! Это мой. Где он был?

– Боже правый, что все это означает? – спросила одна из ее собеседниц, леди Дафф-Гордон.

Она была, наверное, раза в три старше миссис Астор. Она оглядела Дая самым проницательным взглядом, который он только видел, затем устремила глаза на Тедди, а потом снова на боксера.

– Ничего страшного, мэм. Кажется, мальчик немного испугался у перил. Малость высоты боится, я б сказал. – Дай подмигнул Тедди, и тот ощутил прилив гордости. Даже слегка плечи расправил. Этих дам он не боялся.

Миссис Астор с усилием встала, ее большой живот пока-

зался над столом. Вот-вот лопнет, говорили другие слуги. Она потянулась к Тедди и взяла его за руку.

– Тедди, что ты здесь вообще делаешь? Ты должен быть внизу, присматривать за Китти, пока мы на ужине. Забыл?

– Мадлен, дорогая, не беспокойся, в твоём-то положении, – произнесла та, кого звали Кэролайн Флетчер.

Несмотря на «положение», миссис Астор была вполне способна сильно дернуть Тедди за руку, чтобы он встал рядом с ней, и снова села.

– Что касается вас, – обратилась леди Дафф-Гордон к боксеру, – вы настоящий герой. Спасли мальчишку.

Присмотревшись, Тедди увидел, что вечернее платье этой женщины усыпано бисером и вышивкой. На пальце поблескивал огромный розовый камень в окружении сверкающих бриллиантов, превосходнейший, ему бы на Всемирную выставку, где целая очередь ждала бы возможности на него поглазеть по пенни за вход.

– Пустяки, мэм, – ответил боксер. – Я лучше пойду.

– Чепуха. Я не позволю вам скрыться из виду, когда у меня появилась возможность узнать вас поближе, – она протянула руку. – Вы тот боксер, о котором говорил мой муж, не так ли? Он сказал, вас сильно потрепали.

Хозяйка Тедди продолжала его держать. Пусть у него не хватило смелости отстраниться, он не сводил с боксера глаз, словно так мог заставить мужчину тоже ответить ему взглядом.

– А было больно? Саймон Чедли однажды дал мне в нос, и я даже не заплакал. – Его свободная рука скользнула к груди. – Кровь натекла на рубашку и все такое. Мама чуть не убила.

Хозяйка рассмеялась, высоко и нервно. Тедди сразу понял, что смутил ее.

– Хватит, Тедди. Ты же знаешь, что не следует перебивать. Дай глянул на Тедди, и на его лице мелькнула сочувственная улыбка. Затем он снова заговорил со старшей дамой:

– Пустяки, мэм. Просто застали врасплох.
– Космо был весьма вами впечатлен, пусть и потерял, как полагаю, несколько фунтов. Так, вы просто должны присоединиться к нам за ужином. Супруг рассердится, если узнает, что я позволила вам ускользнуть прежде, чем он познакомился с вами лично.

– Мне пора...
– Не вижу причины. – И леди Дафф-Гордон снова уставилась на боксера кристально чистым, всевидящим взглядом. – Вы ведь не пассажир первого класса, верно? И действительно так торопитесь вернуться... к чему бы там ни было?

Она умолкла, и наблюдающий за происходящим Тедди увидел в ее глазах твердость.

– Присоединитесь к нам. Гарантирую, вы прекрасно проведете время, и еще лучше отужинайте. И, быть может, я в долгу не останусь... Представлю вас наследнице-другой... Боксер вежливо улыбнулся:

– Я не стремлюсь быть представленным каким-либо наследникам, ваша светлость... Я помолвлен.

– Да будет вам известно, я не привыкла, чтобы мужчины мне отказывали.

Боксер закусил губу, изображая осознание, что спорить с дамой и дальше лучше не стоит, и та разразилась приятным смехом.

– Значит, решено, – произнесла она. – Не могли бы вы проводить меня к нашему столику? Полагаю, мой супруг будет ждать нас там. Ему сказали, что на борту всего две тысячи бутылок вина, и он хочет сделать заказ до того, как будут выпиты лучшие.

– В этом, вероятно, есть смысл, – подала голос Мадлен Астор. – Мне говорили, что в этом плавании тринадцать сотен пассажиров. Значит, меньше двух бутылок на нос за целую неделю!

– Ну, раз так... вы, наверное, правы. Какая бессовестная оплошность, – произнесла леди Дафф-Гордон со смехом.

Она встала, направляясь внутрь, к великолепному обеденному залу первого класса.

Мадлен Астор и Кэролайн Флетчер поднялись, чтобы последовать за ней, и миссис Астор потянула за собой Тедди.

– Давай найдем мистера Хаверфорда и попросим его отвести тебя обратно в каюту, – произнесла она и добавила шепотом: – И я дам тебе конфетку, если будешь себя хорошо вести, как и обещала.

Но Тедди, шагая за дамами с большой палубы в теплый переполненный коридор, больше представлял вкус тающего на языке сахара. Все, о чем он мог думать, — это как ему пела вода. Как она его звала. Свои чувства в тот момент, будто он мог сделать все, что говорилось в песне, потому что музыка заставила его ничего не бояться. Тедди поежился. Он еще никогда не испытывал такого — такого желания упасть.

Глава седьмая

10 апреля 1912 г. 21:15

Внесено в журнал доктора Элис Лидер

Строго конфиденциально

Пациент: Кэролайн Флетчер

Возраст: 23 года

Миссис Флетчер обратилась ко мне поздно вечером первого дня на борту. Она рассказала, что принимает настойку опия с момента рождения дочери, примерно пятью месяцами ранее, для облегчения головных болей и недомоганий, которые иногда принимают форму острого тревожного возбуждения и могут быть очень сильными. Она спросила, не могу ли я выписать для нее новый рецепт, так как она по неосторожности забыла вовремя заказать больше к поездке. Похоже, что путешествие она спланировала в большой спешке. Она добавила, что ей приходится принимать вдвое больше настойки, чем обычно, но облегчения наступает вдвое меньше.

Я предложила миссис Флетчер в качестве более предпочтительного лечения попробовать кокаин и выписала рецепт на унцию в прессованной форме, чтобы ее супруг получил его в кабинете доктора О'Лафлина. Инструкции предписывают принимать не более четверти чайной ложки в четвер-

ти или половине стакана воды каждые два часа или в случае необходимости. Еще одним преимуществом кокаина является то, что он, как считается, не вызывает привыкания в отличие от настойки опия. Лучше перестраховаться.

Я встречу с миссис Флетчер послезавтра, чтобы узнать, подходит ли ей рецепт. Кроме того, у меня есть некоторые подозрения относительно оправдания миссис Флетчер. Действительно ли она забыла свое лекарство или же исчерпала весь запас и устыдилась просить у своего постоянного врача еще? Я видела множество случаев, когда жены становились зависимы от настойки опия. Напряжение и скука, связанные с ведением домашнего хозяйства и выполнением супружеских обязанностей. Посмотрим, окажется ли кокаин более щадящим для нее лекарством.

Глава восьмая

В тот вечер после ужина Кэролайн сидела за туалетным столиком в каюте и, пристально глядя на свое отражение в зеркале, расчесывала мягкие золотисто-каштановые волосы. Провести расческой сто раз, как учила ее мать. Рука почти не дрожала.

– Хуже вечера у меня еще в жизни не было. – Марк забивал трубку яростными, резкими тычками. – Если для вас, – он имел в виду американцев, – это норма поведения, то я даже не знаю, чего тогда ждать в Нью-Йорке.

Когда Марк хотел казаться очаровательным, то комната заполнялась его голосом, его непринужденностью. Но когда он хотел ходить с кислой миной, то у Кэролайн кровь в жилах стыла. Как будто предложение провести спиритический сеанс, по-детски несерьезное, сделало инфантильным и надутым и самого Марка.

– В шутку же предложили. Никто не хотел задеть или подразнить старика. Кроме того, не причисляй меня к ним.

Неприятности начались с той старой сплетницы, леди Дафф-Гордон: она хвасталась своим новым молодым героем, боксером, который, судя по всему, спас мальчика от падения за борт. У. Т. Смед назвал происшествие – как он там сказал? – зовом пустоты. Старик верил в привидения: он практически сам признался в этом за ужином, распинаясь о ми-

ре духов и о том, как тот манил маленького слугу Асторов, отсюда и пошла идея спиритического сеанса.

– Как они издевались над бедным Уильямом Стедом, – фыркнул Марк. – В Англии его имя практически стало нарицательным. А у них к нему ни капли уважения.

– Брось, Марк, – вздохнула Кэролайн. – В любом случае все согласились участвовать после того, как настояла Мадлен Астор. Уверена, она просто не способна придумать иное развлечение. И ты должен признать: тебе любопытно, не так ли?

Ей ведь было что сказать, не так ли? О том, как тяжело Лиллиан властвовала в ее мыслях. Марк тоже должен был подумать об этом. Кэролайн старалась не признаваться, как часто ощущала присутствие этой женщины за своим плечом. Неужели она будет следовать за ними до самого конца?

– Это неуважение. Извращенная снисходительность. Умоляю тебя, Кэролайн, пусть мертвые покоятся с миром.

Руки Кэролайн дрогнули, когда она разгладила платье, и она не подняла взгляд на Марка. Пусть мертвые покоятся с миром. И все же он так и носил с собой дневник Лиллиан, словно постыдную, грязную тайну, хранил его в нагрудном кармане, у сердца. Как будто Кэролайн не знала. Как будто она не знала всего – как ужасно, прерывисто он дышал, как пронзительно кричал по ночам от кошмаров – тех же самых, она была уверена, что незаметно вплетались в ее собственные сны в те ночи, когда она вообще спала.

Что касается Стеда, Кэролайн слышала, будто он сидел в тюрьме за какое-то жуткое преступление, связанное с проституцией, однако вряд ли знала все детали. Она хотела сказать Марку, что у нее возникло дурное предчувствие по поводу Стеда – что ей неуютно путешествовать бок о бок с газетчиком, ведь они всегда задают вопросы, – но пока придерживала язык. Нынче нельзя было предсказать, когда Марк вспыхнет от единственного словечка.

Кэролайн провела расческой уже тридцать семь раз и тут вздрогнула от громкого стука в дверь. Она тут же встала, опасаясь разбудить ребенка. Марк бросил на нее вопросительный взгляд, но промолчал, вместо этого двинувшись впереди Кэролайн к двери, будто хотел защитить от того, кто окажется по другую сторону. Иногда Кэролайн хотелось плакать от этого притворства. Как будто ее по-прежнему могли защитить. Как будто их обоих не коснулся болезненный ужас.

Но это была всего лишь стюардесса, та самая хорошенькая мисс Хеббли. Кэролайн целую минуту не могла понять, почему та стоит на пороге с подносом – она принесла теплое молоко, которое они запросили доставлять в этот час каждый вечер.

– Входите, пожалуйста, – Марк посторонился, пропуская мисс Хеббли.

Именно в этот миг Ундина решила проснуться, нарушив тишину пронзительным криком.

– Молоко... перелить его прямо в бутылку? – спросила мисс Хеббли.

– Налъете?

Пока стюардесса возилась с кувшином и хрупкой стеклянной бутылочкой, Кэролайн не могла отделаться от мысли, что маленькие ручки мисс Хеббли как будто созданы для такой хлопотной, требующей аккуратности работы. Своим рукам Кэролайн не доверяла: они постоянно дрожали, особенно перед Марком.

Тем временем Ундина все вопила – жалобные ноты повторялись, как удары метронома. Требовательные, обвиняющие.

– Могу я сделать для вас что-нибудь еще? – спросила стюардесса.

Ее взгляд упал на плачущую малышку, словно она удивлялась, почему Кэролайн до сих пор ее не успокоила.

– Нет, благодарю. – Слова прозвучали резче, чем хотела Кэролайн, но ее разочарование в Марке превращалось в облако еще большего раздражения – из-за непокорности мужа, ребенка, самого по себе звука, поселившегося в их маленькой каюте, словно еще один постоялец.

Она думала, что лекарство должно помочь. Но оно не снимало напряжение, оно заставляло мысли еще быстрее нестись в голове, а не создавало там тишину и покой, как Кэролайн хотела. Если понадобится, она пойдет к корабельному врачу и потребует рецепт на опий.

Когда стюардесса покинула каюту, Марк повернулся к жене.

– Неуместно вышло, не думаешь? Она всего лишь пыталась помочь.

– Мне не нравится, как она смотрела на Ундину. – Как только Кэролайн произнесла эти слова, она поняла, что это правда.

Она оставила ребенка на Марка. Вой хоть и не умолк, но поутих, словно яростный шторм постепенно утрачивал мощь. Кэролайн наблюдала, как Марк поправляет пеленки со сноровкой, что сбивала ее с толку. Она вздохнула. Марк не виноват, что отлично управляет с ребенком. Что до нее он любил другую. Все это не означало, что он любит ее меньше. Скорее наоборот, он должен любить ее больше, правда? После всего, через что они прошли вместе.

Делало ли это ее ужасным человеком – ощущение, что она мечется на месте, в ловушке собственной паутины?

А потом – ребенок. Сколько бы ей ни помогали, Кэролайн не могла отрицать, что материнство попросту изматывает ее. Внутри ее все время грызла жажда свободы, которой у нее больше никогда не будет.

Невинность и свобода ее прошлого задохнулись и умерли, не так ли?

Кэролайн потянулась за шалью, заколола ее вокруг плеч любимой брошью. Один из немногих подарков, которые сделал ей Марк. Они оба знали, кому брошь принадлежала

прежде.

– Уверен, что не хочешь пойти? – спросила Кэролайн, понимая, что его позиция по поводу сеанса не изменилась.

– Я не верю в привидения, – ответил Марк, не поднимая глаз. И не нужно. Слова жалили, подобно шипам. Кэролайн знала, что лучше к ним не прикасаться.

Девочка, наконец успокоившись, вцепилась в бутылочку. Марк мягко ее придерживал. Он кивнул Кэролайн, но все его внимание было по-прежнему сосредоточено на ребенке. Его шипы стали терновой крепостью, окружившей Ундину. Не подпускающей Кэролайн. Она ощутила укол зависти – из-за такой защиты, или из-за их близости, или из-за всего сразу, она не могла сказать. Почему лекарство не подействовало? Оно должно было ее успокоить. Его слишком мало, вот в чем проблема. Щепотка порошка в наперстке воды.

Кэролайн коснулась броши, подвески в форме сердца так близко к ее собственному.

Она пошла долгим путем, по нижней палубе, и поднялась по запасной лестнице, предназначенной, вероятно, для слуг. Кэролайн как раз оказалась на верхней площадке, когда мимо нее размытым пятном проскользнул мальчик-слуга Астор-ров, Тедди. Или, может, не проскользнул, а остановился сказать что-то по секрету. Неужели она действительно опустилась на корточки, чтобы узнать, что он хотел?

– В чем дело, Тедди? У тебя для меня секрет?

Но в голове у Кэролайн стучало, проход был узким и тем-

ным, и она никак не могла сосредоточиться на его словах, отчаянно желая, чтобы лекарство магически подействовало, чтобы можно было вырваться наружу, в ночь.

К тому времени, как она вышла на прогулочную палубу, доза, к счастью, начала делать свое дело. Кэролайн хотела подышать свежим воздухом, прежде чем встретиться с остальными для спиритического сеанса у Стэда. Разумеется, она собиралась присутствовать, несмотря на опасения мужа и очевидную фривольность затеи. Как она могла такое пропустить?

Кроме того, Кэролайн манил туда не просто зов тьмы или любопытство, не постоянная дрожь или ощущение, будто нечто преследует ее из могилы. Она не хотела признавать, насколько ей понравилась компания за сегодняшним ужином. Неприятно было думать, что ей просто нужен повод уйти из каюты, оставить мужа и ребенка.

В этот час на открытой палубе собралось куда меньше народу, чем раньше. Редкие молодые парочки, чьи негромкие разговоры разносились над водой, прогуливались рука об руку или стояли, облокотившись о перила, и любовались звездами – огромным куполом бархатной темноты, перемежающейся точками сверкающего света. Кэролайн тихонько втянула воздух. Вдали от города ночное небо выглядело гораздо красивее, и от этого ей захотелось плакать, хотя она и знала, что слез не будет.

Мать всегда говорила: красота существует, чтобы мы чув-

ствовали, что жизнь – это идеальный союз страдания и радости.

То, чего ее покойный муж, Генри, никогда не ценил. То, что в том числе изначально и привлекло ее в Марке, – он понимал. Его волновали и приводили в трепет маленькие проявления красоты, переплетенной с печалью: вырванная страница, подхваченная внезапным порывом ветра; голубь, который, трепеща крыльями, купается в полной масляных разводов луже; осыпающиеся руины, поросшие колышущейся крапивой; незнакомец, силящийся подавить тайную тоску. Генри всегда называл ее безнадежным романтиком, а Марк видел в этом нечто большее.

Лиллиан – тоже. Кэролайн понимала любовь Марка к Лиллиан. Во многих существенных отношениях Кэролайн и сама любила Лиллиан столь же сильно. Та была сложной, пламенной, такой... ищущей. Кэролайн сразу же к ней потянуло, она завидовала ее пылу и страсти Марка к ней. Желала – нет, нуждалась в том, чтобы стать частью этого хоть в самой малой мере.

Сперва ее подругой была Лиллиан – так Кэролайн и познакомилась с Марком. Пусть Лиллиан и была всего-то швейей – из хорошей семьи, которая из поколения в поколение, увы, теряла вес в обществе, – они стали близки как сестры.

На какое-то время, во всяком случае.

Холодный ветер скользнул под рукав, Кэролайн поежилась. Шаль висела на плечах слишком свободно.

Воздух здесь был морочным, он ждал от нее чего-то. Того, что она никогда не позволила бы себе выдать. Правды.

Кэролайн подошла к перилам и энергично потерла руки под легкой шалью. Вечернее платье с иголки, которое она надела сегодня вечером, было одним из многих, заказанных за границей, на этот раз бледного сине-фиолетового оттенка. Он заставлял ее вспоминать гортензию, которая раскрывалась, словно облака, перед летним домом ее семьи на острове Нантакет.

Теперь выбор платья казался необдуманым – Кэролайн не учла ночной ветер и этот поток темных воспоминаний.

Корабль покинул вторую остановку за день в Шебуре во Франции где-то после обеда и завтра должен был прибыть в ирландский Квинстаун. А пока что они были слишком далеко от земли, чтобы разглядеть ее очертания или ореолы огня.

Со всех сторон плескался черный океан.

Кэролайн снова потерла руки, наполовину взволнованная, наполовину потерянная от мысли о всем этом расстоянии, о всей этой тьме куда ни глянь. В этом даже было нечто эротическое: непостижимая массивность мира и маленькая роль человека в нем.

Может, они действительно сбежали от того ужаса, который оставили позади.

Может, здесь все начнется заново. С чистого листа.

Из иллюминаторов мужской курительной комнаты сочился табачный дым. Для удовольствия пассажиров-мужчин первого класса на борту имелось восемь тысяч сигар, с гордостью сообщил Кэролайн стюард, как будто ей было до того дело. Пахло так, словно этим вечером раскурили их все до единой. Но Кэролайн почувствовала себя виноватой. Марк, вероятно, предпочел бы общество других мужчин за бренди и табаком, а его оставили возиться с ребенком, пока Кэролайн гуляла по ночному воздуху. Ей не следовало так убежать. Ей не следовало относиться к Ундине как к игрушке, которую можно передать другому, когда станет скучно. Кэролайн хотела, отчаянно хотела, чтобы Марк был счастлив.

Однако к ней с потрясающей ясностью пришла правда, когда Кэролайн проходила мимо нежно воркующей пожилой пары. Марк несчастлив.

И она тоже.

Брак был таким поспешным. Прежде все было лишь в теории, безумная путаница планов, взволнованный шепот и покупки в последний момент. А теперь они заключены в клубящуюся массу тайн, связанные вместе и неизбежно плывущие к далеким берегам. И нет пути назад.

* * *

Когда Кэролайн постучала, дверь в каюту Стеда ей открыл

Бенджамин Гуггенхайм. Она встречала его за ужином и испытала облегчение, увидев снова.

И улыбка, которой он ее одарил, свидетельствовала, что он тоже рад новой встрече. Гуггенхайм был окутан табачным дымом, в руке тлела недокуренная сигара.

– Вы одна, миссис Флетчер?

Она узнала выражение его глаз – нерешительно-игривое. Он был женат, при детях примерно ее возраста, если Кэролайн правильно помнила газетную статью, которую когда-то читала, однако было известно, что в путешествие он отправился с любовницей, французской певицей. Кэролайн не была наивна, она знала, что подобные договоренности – обычное дело, пусть они и редко совершаются столь напоказ. И все же Гуггенхайм произвел на нее хорошее впечатление во время их беседы за ужином: он не выглядел мужчиной, которого женщины интересуют лишь как предмет завоевания.

Чувствуя, как от этой мысли вспыхивает лицо, Кэролайн оглядела каюту Уильяма Стеда. Он преобразил все пространство. Кэролайн представлялось, что изначально все было как и у нее: квадратная коробка, обшитая деревянными панелями, со столом и четырьмя узкими стульями, с унылыми электрическими бра на стенах. Но здесь свет был выключен, вместо него принесли пару изящных серебряных канделябров с длинными свечами, увенчанными колеблющимися огоньками. Дополнительные стулья стояли кольцом вокруг стола, который теперь украшала ниспадающая белая

скатерть. Иллюминатор был оставлен приоткрытым и впускал звуки снаружи: приглушенные разговоры и смех. Этому мистеру Стеду каким-то образом удалось создать нужную атмосферу. Гуггенхайм упоминал, что англичанин – известный оккультист. Быть может, он хранил все атрибуты при себе, в коробке, как коммивояжер.

Кэролайн, несмотря на принятый порошок, ощутила нервную дрожь.

Мадлен Астор, очевидно, сумела уговорить своих друзей присоединиться. Сэр Космо и леди Дафф-Гордон уже сидели за столом, последняя – с озорной улыбкой на лице. *Она не ждет, что из этого что-нибудь выйдет. Для нее это просто забава.*

Места за столом уже заняли и Астори. Джон Джейкоб кивнул Кэролайн, однако в целом выглядел несчастным. Кэролайн не могла сказать наверняка, явился ли он сюда лишь затем, чтобы угодить супруге. Мадлен расположилась при нем, гордо вздернув подбородок. Ее лицо было накрашено самыми модными средствами – темные изогнутые брови и пухлые алые губы, – и все же милая округлость делала ее больше похожей на школьницу, нежели на светскую даму. Так молода. И беременна: живот был заметен даже под юбками искусно сшитого вечернего платья.

Нигде не было видно боксера, мистера Боуэна. Несомненно, ни у кого и мысли не мелькнуло его пригласить, хотя мальчика спас именно он. На мгновение Кэролайн предста-

вила, что бы сказал Марк: для этих богатых людей любой, кто не принадлежит к их классу, невидимка.

– Могу я проводить вас к месту? – Гуггенхайм подтолкнул Кэролайн к столу, положив руку ей на поясницу. – Мои друзья повально увлеклись оккультизмом, – пробормотал он, – однако должен признать, что нахожу его скучным.

Последние слова Гуггенхайм прошептал, щекоча теплым дыханием ей ухо.

– Не верите в жизнь после смерти?

Вопрос был искренним; Кэролайн вдруг поняла: она надеется, что он лучше ее знает правду. Сможем ли мы когда-нибудь сбежать?

Он отодвинул для нее стул.

– Я не против самой концепции, попрошу заметить, но никому не удалось удовлетворить меня доказательствами. Пока, во всяком случае.

Гуггенхайм выпустил в воздух колечко дыма, и по его губам скользнула озорная улыбка.

– Однако если мы пытаемся выяснить, что же зачаровало того мальчика... Я поставил бы на сирен. Всегда был неравнодушен к этому образу. Знаете, эдакие морские нимфы, что околдовывают мужчин своей песней и заманивают, чтобы те разбили свои корабли о скалы и погибли. – Он улыбнулся и покачал головой. – Не знаю, что говорит обо мне такое увлечение.

– Что вы романтик.

– Очень льстящее мне толкование, миссис Флетчер. Однако не могу сказать, что с вами все согласятся. – Гуггенхайм усмехнулся, и Кэролайн на мгновение ослепил блеск его зубов.

Пока хозяин вечера доставал из открытого чемодана вещи, разговоры за столом стихли. Первой появилась чаша, украшенная красивым восточным узором. Стед положил в нее что-то и чиркнул спичкой. К потолку потянулась тонкая струйка дыма, и комнату наполнил мускусный запах.

– Благовония, Уильям? – спросила леди Дафф-Гордон.

– Особая смесь, которую я обнаружил в Гималаях. Ее используют монахи, когда желают пообщаться со своими умершими.

Затем Стед разместил посреди стола большое неглубокое блюдо. Внутренняя его часть светилась, будто выложенная перламутром. Стед наполнил блюдо водой из кувшина.

– Вам доводилось видеть чашу прорицания?

– Пожалуй, нет, – ответил Космо Дафф-Гордон, по-видимому, за всех.

Стед окунул палец в воду.

– Если нам повезет, здесь покажутся духи. Или позволят нам увидеть их мир сквозь эту поверхность.

– Как сквозь портал? – спросил Гуггенхайм.

– Именно, сэр, – просиял Стед.

Последней он извлек тарелку. На ней лежала маленькая хрустящая булочка.

– Это что, с нашего обеденного стола? – расхохотался Джон Астор.

– Это для мертвых. Духи покойных приходят к нам в поисках разных вещей. Пропитания, – он указал на булочку. – Света, тепла, – указал на свечи. – Все на этом столе находится здесь не просто так.

– Ясно, – леди Дафф-Гордон вскинула бровь.

Кэролайн тоже ощутила беспокойство. И неверие. Что это они все притворяются?

– Я должен вам сказать еще кое-что. – Стив взглянул на каждого по очереди, продолжая говорить.:– Мы не знаем, откуда явился тот дух, который сегодня вступил в контакт со слугой Асторов. Мы не знаем, связан ли он с их мальчиком. Это может оказаться кто-то совершенно иной – не исключено, что даже тот, кто хочет вступить в контакт с одним из вас. Есть вероятность, что если с нами свяжется призрак, он или она будут известны кому-то из присутствующих. Кто-нибудь из вас недавно терял близких?

И Кэролайн вновь поежилась. Хотя вопрос был глупый: все теряли, не только она. Болезнь, эпидемия, несчастный случай, война: смерть всегда где-то рядом. Тем не менее тревога мелькнула на лице у каждого.

– Очень хорошо. Наши дорогие усопшие, любимые умершие, – произнес Стив. – Вспомните их имена.

Каюта вдруг показалась маленькой и тесной. Даже при открытом иллюминаторе воздуха не хватало, а то немного,

что у них оставалось, было густо пропитано благовониями и соленым запахом моря.

Стед оглядел собравшихся за столом.

– Займем наши места.

Стало гораздо торжественнее, когда они все расселись, окутанные мерцающим светом свечей.

– Теперь возьмемся за руки, – продолжил Стед. – Однако, дамы, вынужден просить вас снять перчатки. Мы должны касаться кожа к коже.

Кэролайн расстегнула ряды крошечных пуговичек на запястьях, затем стянула перчатки. Пошевелила пальцами; руки казались совсем голыми. Вложив пальцы в теплую ладонь Гуггенхайма, Кэролайн ощутила, как между ними прошел электрический разряд трепетной дрожи. Она нечасто касалась незнакомого мужчину голыми руками.

– Прошу тишины.

Все умолкли. Стед закрыл глаза, сосредоточенный и торжественный, как священнослужитель.

– Мы собрались сегодня здесь, дабы побеседовать с мертвыми. Сегодня с мальчиком на корабле связался дух. Собравшиеся здесь желают понять, что привело этого мальчика на грань гибели. Если этот дух сейчас с нами, мы просим, яви себя...

Кэролайн подглядывала сквозь полузакрытые глаза. Пламя свечей было ровным, лишь едва заметно мерцало, в чаще прорицания мягко, в такт движению корабля плескалась

вода.

Стед попробовал снова.

– Мы желаем поговорить с любыми духами, здесь присутствующими. Умоляем, дайте знак...

В сознание Кэролайн начали проникать звуки откуда-то с корабля: женский смех, обрывки скрипки, высокие и мелодичные.

– Прошу, дайте о себе знать. Мы верим. Мы приглашаем вас присоединиться к нам, – в голосе Стеда послышалось напряжение.

Мадлен Астор кашлянула.

– Неужели должно быть столько дыма? Не знаю, сколько еще вынесу... – намекнула она на свое положение.

– Моя дорогая, ты же сама все это предложила, – произнес Джон Астор тоном, который Кэролайн не совсем поняла – укоризненный или поддразнивающий?

– Да, предложила, – раздраженно отозвалась Мадлен, пристально глядя на супруга. – Я отношусь к этому очень серьезно, жаль, что ты – нет...

– Прошу, тише, – Стед прочистил горло. – Мы призываем любого духа, присутствующего сегодня в этой комнате, обратиться к нам.

Когда ничего не изменилось, Кэролайн почти испытала облегчение.

Затем она заметила, что в каюте стало холоднее.

Это морской воздух, потому что иллюминатор открыт.

Пустяки.

Тоненькие струйки дыма, поднимающиеся от свечей, казались, сплетались, гоняясь друг за другом, словно дети вокруг майского дерева.

Опять же – иллюминатор. Из-за него воздух и завихряется. Простое объяснение.

– С нами в комнате дух, – заявил Стек, взволнованный, как мальчишка рождественским утром. – Дух, дай нам еще знак. Подтверди намерение. Если ты здесь, постучи по столу...

Стол под руками Кэролайн задрожал, запрыгал, как вода на раскаленной масляной сковороде. Ей пришлось стиснуть зубы, чтобы те не заклацали.

Мадлен взвизгнула.

– Это родители Тедди? Пожалуйста, пусть это будут родители Тедди!

Пламя свеч вдруг взметнулось, осветив лица всех присутствующих. По комнате пронесся тихий стон.

Это всего лишь ветер свистит в иллюминаторе. Вот и все.

– Еще! Говори! Назови нам свое имя! – подсказывал Стек. – Тебя знает кто-нибудь из нас? Почему ты вошел с нами в контакт? Почему?

Вода в чаше взбурлила, словно штормовое море, а затем выплеснулась на белую скатерть. И расплзлась серыми пятнами.

– Говори, дух! Что ты пытаешься нам сказать? – теперь Стив почти кричал, его руки так крепко сжимали ладони партнеров, что побелели костяшки. – С кем ты заговоришь?

Дверь внезапно распахнулась. Полоса электрического света из коридора, словно кинжал, пронзила полумрак.

Энн Хеббли, стоя на пороге, отпрянула, как испуганная кошка.

– Боже милостивый, что происходит?

По каюте пронесся ветер, раздувая пламя, – и затем огоньки потухли, из фитилей взмыли извилистые струйки дыма. Все погрузилось в темноту, единственный свет лился из-за спины Энн Хеббли, очерчивая ее силуэт.

Хеббли присела в книксене, и глаза Кэролайн постепенно начали привыкать к мраку.

– Прошу прощения, но горничная миссис Астор, мисс Бидуа, послала меня отыскать миссис Астор и мистера Гуггенхайма. Я приношу извинения за то, что помешала, сэр, но она спрашивает, не могли бы вы немедленно привести своего врача в каюту Асторов.

Асторы переглянулись, Мадлен машинально потянулась к животу. Астор сощурился, как будто подозревая, что его разыгрывают.

– Не понимаю... В чем бы ни была проблема, наше присутствие, безусловно, не требуется. Передайте мисс Бидуа, что она должна справиться самостоятельно...

– Это из-за мальчика! – выпалила Хеббли.

Стед наконец включил свет, и Кэролайн увидела в глазах стюардессы ужас.

– Мисс Бидуа сказала, что у Тедди случился припадок. Она боится, что он...

Раздался шорох белого шифона – Мадлен Астор вскочила из-за стола, а за ней и ее муж, и они выбежали из комнаты.

Их каюта располагалась почти по соседству, и все же Кэролайн не могла заставить себя туда пойти или пошевелиться, ее как будто приковало к стулу.

Вдалеке открылась дверь. В коридор просочились обеспокоенные голоса – как будто во сне. Остальные слуги Асторов? Дверь, должно быть, оставили открытой, поскольку Кэролайн слышала Мадлен – только голос, слов она не разбирала, словно сквозь толщу воды. На мгновение все стихло и замерло.

А потом раздался крик. Мадлен Астор. Крик, исполненный такого ужаса и печали, что у Кэролайн не осталось сомнений в случившемся еще до того, как она в порыве душевного волнения бросилась на звук и увидела все своими глазами.

Маленький мальчик-слуга, которого она видела снующим по прогулочной палубе ранее, не старше восьми-девяти лет, неподвижно лежал на полу. Рядом с ним – наполовину сдержанное с кровати с балдахином покрывало, словно мальчик пытался за него ухватиться, подтянуться, но не смог. Врач, держа на шее мальчика два пальца, смотрел на остальных с

отсутствующим выражением в глазах. Кэролайн по привычке потянулась за брошью, но обнаружила, что той нет на месте. Вместо этого Кэролайн сделала единственное, что сумела придумать: подошла к Мадлен и крепко прижала ее к себе. В конце концов, девушке было всего восемнадцать – сама еще практически ребенок.

Глава девятая

Приторный запах благовоний висел в воздухе упреком. Стеду ни за что бы не удалось от него сегодня избавиться, но это беспокоило его гораздо меньше, чем вид маленького мальчика, что скрючился на полу спальни Асторов – он, несомненно, пробрался сюда поиграть. Его глаза оставались открытыми, пока врач не наклонился бережно их закрыть.

«Приступ», – определил врач, выслушав рассказы свидетелей-слуг.

Стед распахнул иллюминатор как можно шире. Воздух, коснувшийся лица, был холодным и влажным. Над черной водой плыли клочья тумана, похожие на облака. Облака в небе и холодный, солоноватый ад.

Стед повернулся к иллюминатору спиной. Сеанс вышел тревожным. Журналист схватил булку со стола и швырнул в иллюминатор. Потерял ее из виду среди тумана, но был уверен, что она упала в океан.

Если повезет, за ней проследует и призрак.

Электрические лампы наполняли кабину ярким желтоватым светом. Обычно Стед терпеть не мог такое освещение, но сейчас был ему рад.

Стед встал у стола и намеренно расфокусировал взгляд. Он увидел сегодня вечером достаточно и больше глядеть не хотел. Что произошло за столом? Стед не сомневался, что

случай сверхъестественный – он посещал спиритические сесансы на протяжении пятнадцати лет и сталкивался как с наглым мошенничеством, так и с необъяснимыми явлениями, – и тем не менее с трудом мог понять, что же случилось этим вечером. Эти умные светские господа и дамы высмеивали его за ужином, а при первых же признаках беспокойства побежали куда? К нему, разумеется. Им сразу понадобилась его помощь. Или, во всяком случае, она понадобилась молодой (слишком уж молодой) Мадлен Астор, а что Мадлен Астор хотела, то она получала.

Убирая со стола, Стив подумал, не прибегнуть ли к услугам этой девицы Хеббли, стюардессы – или, возможно, позвать ее, просто чтобы отвлечь его от гнетущей тишины, – но он едва мог выносить ее присутствие. Вот настоящая причина, почему следовало бы попросить другого стюарда.

Он с трудом мог признаться себе в том, что девушка напоминала ему Элизу.

Это было нелепо. Он не видел Элизу Армстронг с тех пор, как в 1885-м в «Пэлл-Мэлл газетт» вышла его статья «Жертвоприношение девы в современном Вавилоне». Тогда ей было тринадцать, а значит, сейчас уже исполнилось сорок.

Кроме того, Элиза и эта Энн Хеббли совсем не походили друг на друга. И все же было в стюардессе нечто такое, что выбивало его из колеи. Заставляло чувствовать грусть и... вину. Ужасную вину.

Вину, от которой он не мог избавиться. Он думал, что

примирился с ней. Отсидел три месяца в тюрьме Колдбат за то, что, как он настаивал по сей день, было лишь просчетом. Однако этого, очевидно, было недостаточно.

Призрак, что посетил их этим вечером, – была ли это Элиза?

В таком случае она мертва. А отчет частного детектива говорил об обратном. И он должен быть правдив. Сед поставил на кон все, чтобы увидеть ее снова, в последний раз. В Америке.

Он отогнал эту мысль.

Кроме того, какова может быть связь между Элизой и служгой Асторов?

Нет, с мальчиком случилось нечто иное.

Врач Гуггенхайма настаивал, что с мальчиком случился приступ эпилепсии, последовавший за бредом, который, вероятно, начался раньше тем же днем, но Сед знал, как было на самом деле.

Приступ – один из самых распространенных признаков.

Сед ничуть не сомневался: на борту этого корабля скрывается демон. Пока они все собрались здесь, в каюте Сед, пытаясь достучаться до духа, он ускользнул от них, нашел одинокого мальчика, заманил в укромное место, а затем запустил призрачные пальцы ребенку в грудь и принялся пробираться вверх, пока не задушил изнутри.

Мальчик умер, словно так ему и было предначертано судьбой.

А дух все еще среди них – дух, который чего-то жаждет, хотя можно лишь догадываться, что это может быть.

Глава десятая

Когда жена вернулась, Марк Флетчер уже час как лежал в постели, но не спал.

Вместо этого он думал о том, как зудят руки от желания взять колоду карт, о полной дыма комнате, о мгновенно опьяняющем риске. Он думал о числах, красных и черных, дразнящих предложением колоссального успеха или неудачи. О том, как бегут в Эпсоме и Ньюкасле лошади, сверкающие, грохочущие копытами. А еще были собачьи и петушиные бои в грязных лондонских переулках. В самые отчаянные дни он даже ставил на крысоловов в пабах на углу. Но от всего этого он отказался.

Отказался и от респектабельной, пусть и низкооплачиваемой должности адвоката, чтобы сейчас оказаться здесь и начать что-то новое – с ней. С Кэролайн.

Когда она выбежала из каюты, он ждал, что она вот-вот вернется, но затем минуты превратились в часы, а Кэролайн все не было. Марк не злился, правда – скорее, беспокоился, как будто кожа вдруг стала слишком тугой. Каким бы огромным ни был корабль, полный тысяч похожих на лабиринт коридоров, они все равно на нем застряли. Не прошло и дня с начала путешествия, а Марка уже тошнило от этой посуды, этого набитого и раздутого чудовища. Позолоченного, украшенного, избыточного во всех отношениях. Марк не

привык к такой головокружительной роскоши. Он находил все это непристойным. Оскорблением почтенного величия океана, по которому они плыли.

Может, в этом-то все дело. Его восприятие было измотано до предела.

Когда Кэролайн наконец проскользнула в спальню, его охватило облегчение. Марк приподнялся на локтях, чтобы взглянуть ей в лицо.

– Где ты была? Я беспокоился... Боялся, что ты заблудилась в каком-нибудь бесконечном извилистом коридоре или...

– Я не собиралась уходить так надолго, – произнесла Кэролайн и сняла перчатки. Она начала раздеваться, но Марк заметил, что она ведет себя странно. Отрешенно. – Сегодня случилось ужасное. Мальчик-слуга Мэдди Астор умер.

«Какое тебе дело до слуги Асторов?» – хотел спросить Марк, но Кэролайн в этот момент выглядела такой отстраненной – как будто была не в каюте, а безвольно плыла в воде снаружи, готовая вот-вот ускользнуть в ночной туман, – что он не смог.

– Мальчик, который чуть не упал за борт? – уточнил Марк вместо этого. – Которого спас тот боксер?

Лицо Кэролайн оставалось отсутствующим, словно она увидела призрак.

– Наверное. У него случился какой-то приступ во сне.

Позвали доктора, но... было уже поздно. Я... я его видела, Марк.

– Видела кого?

– Мальчика!

– Ребенок наверняка плохо себя чувствовал с самого утра, не понимал, где находится. Это бы все объяснило.

Сперва едва не упал в море, затем умер. Оба события, несомненно, связаны: слишком странно для простого совпадения.

Кэролайн вздохнула, натягивая в темноте шелковую ночную сорочку через голову, под взглядом Марка.

– Это было ужасно. Он же совсем маленький. И глаза у него были такие странные, затуманенные.

Ребенок умер. Марк почувствовал себя ведром, которое ухнуло в пустой колодец.

Мягкое, почти неощутимое покачивание корабля вдруг показалось ему слишком сильным. С тех пор, как у него появился собственный ребенок, Марк заметил, что стал более чувствителен к смертности – прежде он помнил о ней, но относился бесшабашно. Теперь она ему шептала, похлопывала по плечу, оттягивала внимание, когда все стихало.

– Мне жаль, – сказал Марк жене.

Он не знал, что имел в виду – их ссору, свое упрямство до того или то, что она столкнулась с таким ужасным происшествием одна, а его не было рядом, чтобы поддержать ее. Или то, что увиденное теперь никак не перестанет стоять у

нее перед глазами.

Марк потянулся к ней, когда она подошла к постели; его обычно так влекло ее тело, но сейчас Кэролайн казалась ему чем-то мягким и хрупким, нуждающимся в защите.

– И мне, – прошептала она, когда его пальцы обхватили ее запястье.

Кэролайн села к нему спиной.

Марк провел пальцами по ее обнаженным лопаткам, столь четко очерченным и идеальным в лунном свете, льющемся из иллюминатора. Поцеловал тень во впадинке и ощутил, как Кэролайн вздрогнула.

– Мне жаль, – повторил он, щекоча шепотом ее кожу, поглаживая ее руку.

Марк притянул ее к себе, вдохнул запахи. Духи, которыми она всегда пользовалась, теперь смешались с соленым океанским воздухом. С сигарами. И еще кое с чем: с растительным ароматом с дымком, который Марк не мог определить, хотя он напоминал мужской одеколон.

Тело жены всегда вызывало у Марка голод, и сейчас еще больший, чем когда-либо. Впадинка на пояснице. Совершенство ее груди, которое наполняло его мальчишеским благоговением.

Этот властный мускус на ее коже, которого там не должно быть.

Марк начал целовать ее шею чуть ниже линии волос. Ему нравились ее волосы. Постепенно Кэролайн отозвалась на

ласку, слегка выгнув спину и наклонив голову, а затем наконец повернулась и поцеловала его сама. Облегчение от ее возвращения сменилось внезапной острой жадой – он должен был овладеть ею. Иначе она снова ускользнет, исчезнет навсегда. Он должен ее удержать, оставить ее у себя.

Она слегка ахнула, когда он схватил ее за бедра, задирая тоненькую ночную сорочку. Теперь Кэролайн сидела у него на коленях, ее ноги обхватывали его за пояс, но он перевернул ее на спину. Его захлестывала волна желания, овладевшего им. Ее бедра приподнялись, и теперь он держал ее запястья у нее над головой, и они оба стонали, дыхания не хватало, все это было слишком быстро, и она закричала – от боли или наслаждения? Марк вдруг понял, что не знает. В ее глазах стояли слезы. Он целовал ее щеки и двигался толчками внутри ее, пока не кончил с мощью, которая пронизала его дрожью.

– Ш-ш-ш, – прошептала Кэролайн дрожащим голосом. – Мы могли разбудить ребенка.

Марк все еще переводил дыхание. Ощутила ли она глубину пыла между ними или только он? Обычно он знал; обычно он чувствовал ее тело, то, как оно отзывалось на него. Но сегодня все было морем, темным, непостижимым, странным.

– Ребенок, – шептала Кэролайн.

– Она спит, – заверил ее Марк.

Однако Кэролайн перекатилась на бок и села.

– Марк, почему она не проснулась? Мы слишком шумели,

мы...

Она была взбудоражена и еще не успокоилась. Марк знал, что она взволнована. Из-за мальчика, разумеется. Ужасное зрелище.

– Я проверю, как она, – сказал Марк, отчасти чтобы рассеять ее тревогу, отчасти чтобы выбраться из постели. Ему вдруг стало неуютно из-за Кэролайн, из-за того, что все как будто рушилось, спонтанно и необъяснимо, безо всякого предупреждения, – их брак, тонкие нити близости, которые, как Марк думал, держали их вместе. Что-то еще беспокоило Кэролайн этим вечером, помимо смерти мальчика.

Марк натянул пижамные штаны и вошел в смежную комнату. Там царила тишина. Не слышно было даже легкого сопения, которое он часто замечал в детской в Лондоне. Наклонившись над кроватью Ундины, Марк увидел, что малышка каким-то образом забралась под одеялко. Его пронзило тревогой. Одеялко полностью закрывало ее лицо – нет, оно было у нее во рту, словно кляп.

Марк дернул ткань даже прежде, чем успел об этом подумать, – ребенок не дышал.

Через мгновение Ундина уже была у него на плече, и он стучал ее по спине, и наконец она закричала, просыпаясь, и только тогда его сердце, казалось, забилося вновь. Он еще никогда не был так счастлив слышать ее плач. На этот миг все остальное исчезло, и единственным, что имело значение, было это крошечное существо.

Неужели ему примерещилось? Нет, она задыхалась, он был уверен. Если бы они не догадались ее проверить...

Марк стоял так с ребенком на руках, воющим ему на ухо, несколько минут и просто дышал, чувствуя ее тяжелые короткие вздохи. Его пронизывал страх. Он даже подумал, что сейчас разрыдается. Но с малышкой все было хорошо. Она была в порядке. С ними все было в порядке.

Преодолев головокружение, вызванное короткой паникой, Марк отнес девочку в спальню.

– Что там? – спросила Кэролайн, когда Марк вернулся, но тот не ответил, не желая ее всполошить.

Марк вложил ребенка ей в протянутые руки.

– Ну не плачь, все хорошо, – забормотала Кэролайн, мягко прижимая мизинец ко рту малышки. Обхватив палец губами, Ундина успокоилась.

Кэролайн довольно улыбнулась. А потом начала петь колыбельную. Марку нравилось пение Кэролайн – неумелое, но милое и чистое.

Марк забрался в постель и некоторое время лежал на боку, подложив руку под голову, рядом с женой и ребенком, а пение все звучало и звучало, мелодия лилась, словно теплый мед, рассеивая этот странный вечер, растапливая мимолетный страх.

Веки вскоре стали слишком тяжелыми. Под одеялом было тепло. Мысли блуждали, плывя на плоту посреди океана. Мягко покачиваясь вверх и вниз. Вокруг – черная вода.

Вверх и вниз. Плещет о руки, затем о грудь. Затем доходит до шеи. Неуклонно поднимается, пока он не оказывается ею окутан. Вода касалась его всего, словно ладони любопытной, но незнакомой любовницы, чей нрав он еще не мог предугадать.

Но затем вода сомкнулась у него над головой, и его потянуло вниз, вниз, вниз. Выбраться было невозможно, да он и не хотел, даже когда руки закрыли ему рот.

Он погружался в чернильную бездну, и прекрасный голос Кэролайн звучал все дальше и дальше, пока не превратился в едва слышимый шепот.

На дне, где царили тьма и тишина, ждала Лиллиан, которую он и не надеялся больше увидеть. Лиллиан, о которой он старался не думать. И вот же она, ждала его, и он пришел к ней с последним глотком уверенности.

1916

Глава одиннадцатая

17 ноября 1916 г.

Неаполь, Италия

ГСЕВ «Британник»

Одну за другой Энни отдергивает тяжелые шторы, закрывающие массивные иллюминаторы по всей главной палате, которая когда-то была обеденным залом первого класса. Ей требуется больше получаса, чтобы обойти всю палату со всеми ее пациентами, которые начинают просыпаться и звать ее, просить о том, чего Энни не может им дать. Уверенности в будущем. Еще одну дозу морфия. Энни не дозволено даже касаться повязок на ранах, чтобы не занести инфекцию, отчего время тянется дольше и изнурительнее – это постоянное ощущение беспомощности, даже когда ей поручают разносить завтраки, кормить раненых кашей, вытирать рты, опорожнять утки, менять простыни, лить уксус в трещины в полу в попытках вычистить оттуда остатки крови, рвоты или мочи. И прежде всего – слушать, пока истории и потоки слов не сольются воедино постоянным ропотом ярости, страха и боли.

Для Энни удивительно, как быстро это новое существование стало рутиной. Как будто она снова на «Титанике», как будто ужасная трагедия и последние четыре года были всего лишь долгим кошмарным сном. Два корабля настолько похожи, что пережитое начинает сплавляться воедино. Здесь те же длинные, широкие коридоры, та же планировка, так что Энни без труда находит дорогу. Та же непрерывная качка под ногами, когда корабль рассекает волны. Тот же бодрящий соленый воздух наполняет легкие и треплет волосы. На корабле Энни постоянно мерещится, что она так и не покидала «Титаник» и что всегда была в море. Что море – ее дом.

Люди и обстоятельства, конечно, совсем иные – и, как ни странно, Энни предпочитает «Британник». Лучше обслуживать пациентов, чем привередливых богатых пассажиров.

Она закрепляет завязку и переходит к следующей шторе. Поднимается пыль, кружась в голубовато-серых лучах морского рассвета. Дождь с силой барабанит по стеклу. Прошло уже почти пять дней на борту «Британника», но все едва устаканилось; воспоминания смазываются, когда Энни смотрит, как струйки воды сливаются воедино и стекают прочь.

По крайней мере, она думает, что это воспоминания. Иногда она не может отличить свое настоящее детство, древние сказки, которые рассказывала бабушка Эшлин, и случайные фантазии, изменчивые, мимолетные, странные.

В них девочка в муслиновом платье и толстом шерстяном свитере бежит под дождем к огромным утесам, выходящим

на Ирландское море, и холодный воздух обжигает юную кожу. Но воспоминания сливаются воедино, и тогда она становится молодой женщиной, танцующей на шумных, многолюдных улицах Лондона – она смеется, поднимая лицо к небу, и чуть не опрокидывает стойку с жареными каштанами, и ловит ртом капли дождя, горького от угольного дыма. Потом они обе становятся третьей – девушкой, что наполовину тюлень, наполовину человек, и ее тело движется в изгибах прилива, когда она плывет к поверхности, а дождь бьет по ней, словно пули. Девушка преобразается: гладкость звериной шкуры становится нежностью детского тела, и две ноги отчаянно бьют по воде, когда она прорывает гребень волны, выпуская первый человеческий вздох.

Рядом с Энни мужчина хватается ртом воздух. Она резко отворачивается от окна и дождя и бросается к ближайшей кровати, где пациент, кажется, задыхается, словно что-то попало ему в глотку.

Он пожилой, с сединой в волосах и щетиной на лице. Глаза округлились, расширились от страха. Энни пытается помочь ему сесть – неужели чем-то подавился? – и в считанные секунды к ней присоединяются сестра и дежурный врач. Он быстро и грамотно проверяет глаза, заглядывает в рот, шупает пульс на шее, а потом объявляет, что с мужчиной все в порядке.

– Всего лишь приступ паники, – поясняет доктор Энни, когда они отходят от постели обсудить случившееся. – Дам

ему дозу морфия. Присматривай, пока не заснет.

Энни убирается вокруг кровати, ожидая, когда мужчина сомкнет веки, но тот не проявляет никаких признаков сонливости. Возможно ли стать невосприимчивым к морфию? Энни попросила бы у доктора еще дозу, но он и сестра заняты более серьезным пациентом в другом конце палаты, и она терпеть не может их беспокоить.

– Простите, что со мной возни, как с ребенком, – смущенно говорит мужчина и кивает в сторону иллюминатора. – Просто я боюсь моря. Не путешествую по воде, если могу этого избежать, но военные не спрашивают. Я так и не научился плавать. И мы, похоже, в любую минуту пойдем ко дну, верно?

Серый океан и правда выглядит особенно плохо. Энни может понять, почему его страшатся.

– Не волнуйтесь. Вы в полной безопасности. Это «Британик», побратим «Титаника»...

Мужчина перебивает ее, взревев как осел:

– И от этого мне должно стать легче? Мы оба знаем, чем там дело кончилось, так ведь?

– Этот корабль другой. Он лучше. Его изменили, основываясь на том, что узнали после потопления, – говорит Энни. Она надеется, что не слишком ошибается. Она не уверена, что предприняли в «Уайт Стар Лайн»; они, как говорят, винили больше айсберг, нежели недостатки корабля, нехватку спасательных шлюпок и пренебрежение мера-

ми безопасности. Заглушенный телеграфный сигнал. За последние несколько лет сменилось столько теорий, что Энни сбилась со счета.

Она щурится, глядя на обожженную солнцем светлую кожу мужчины, на пятнышки на носу, похожие на веснушки, которые пытаются вновь проявиться.

– Ирландец, да? Тогда вы знаете, кто такая дубеса, – говорит Энни, и ирландское произношение – дуб-хе-са, как всегда говорила бабушка, легко соскакивает с языка. – Нет, никогда не слышали? – спрашивает она, когда мужчина, глядя на нее, хмурит брови. – Разве бабуля не рассказывала сказки про нее? Дубеса присматривает за всеми моряками, за всеми, кто в море.

Это не вся история, но Энни не хочет пугать его еще больше, а он явно не слышал о той, кого всех в Баллинтое учат уважать и бояться практически с рождения.

– Не беспокойтесь... если быть хорошим человеком, она спасет. – Энни улыбается мужчине так сильно, что болят щеки. – А вы вроде бы хороший.

Старик смотрит на нее с сомнением.

– Не знаю, милая. Я, в конце концов, сражался на войне.

Но он, кажется, успокаивается и все-таки засыпает. С концом смены Энни может уйти на завтрак. Она спускается в столовую, где по привычке берет миску овсянки, садится рядом с Вайолет за длинный, ничем не украшенный стол и смотрит на жижу без особого аппетита. Иногда по утрам она

с трудом вспоминает, что такое голод, как будто за ночь забыла.

– И не смог выбраться? – спрашивает Вайолет радиста, Чарли Эппинга.

Тот кивает. Он сидит верхом на скамейке с противоположной стороны стола, опершись одним локтем рядом с вилкой, и жестикулирует кружкой кофе.

– Стучал, видать, почти все три часа. Парню чертовски повезло, что Мортимер случайно оказался рядом и услышал... А так бы помер с голоду в подсобке, так себе смерть, а?

– Кто помер бы? – спрашивает Энни, помешивая содержимое миски.

Чарли заговорщицки к ней наклоняется.

– Один санитар. Стэнли Уайт. Сперва из операционной пропадает целый поднос скальпелей, а потом, когда он идет за новыми...

– Входит в подсобку, и дверь за ним запирается! – заканчивает за него Вайолет. – И никто не замечает, что его нет!

– Это не случайность была, – вставляет другой санитар, сидящий с дальней стороны от Эппинга. – Вы же знаете, что на этом красавце живут призраки. – Он проводит рукой в воздухе, подразумевая весь корабль.

Вайолет смеется. А когда смеется, она напоминает Энни безупречную ирландскую девчонку с густыми золотисто-каштановыми волосами и улыбчивыми серо-голубыми глазами. Милая красавица, всегда готовая повеселиться.

– Не, я б так далеко не заходила, да и тебе б лучше поосторожнее с такими разговорами. Капитану точно не понравится. – Однако Энни не упустила быстрый взгляд, который Вайолет сперва на нее бросила.

Энни сглатывает, не в силах поесть. Это не первый слух о привидении, который, как она теперь знает, здесь обычное дело. Разве не ходят такие истории о всяком большом корабле, особняке, глубоком и темном лесу? Только вчера один пожарный клялся, что видел мужчину в смокинге, который шел к нему по коридору, но растворился как раз в тот миг, когда они вот-вот бы столкнулись. Божился, что почувствовал, как похолодел воздух, когда мужчина прошел сквозь него и исчез. Мол, в коридоре даже запах сигары остался.

С другой стороны, Энни знала, что многие члены экипажа проводят время по ночам в коридорах, передавая друг другу сигару, делясь крохами утешения, – отсюда, вероятно, и запах.

«Ну, некоторые пациенты уже не совсем в себе, – напомнила Вайолет вчера вечером, когда Энни заговорила об этом перед сном. – Неудивительно, что слышат и видят всякое. Пока это пациенты, а не мы, бояться нечего», – добавила она вроде в шутку, но затем, наверное, поняла, что могла невольно задеть Энни – ведь та еще меньше недели назад жила в сумасшедшем доме, – и с робкой улыбкой зажала себе рот ладонью.

Она не сумасшедшая.

Но в ней есть нечто, привлекающее безумие.

Теперь, прежде чем Энни успевает подобрать слова, Вайолет поворачивается к ней, явно желая сменить тему. Она мягко касается броши, приколотой к переднику Энни.

– О-о! Красивая какая. Я видела ее раньше?

Энни трогает украшение кончиками пальцев. Крошечное золотое сердечко, свисающее со стрелы. На щеках вспыхивает румянец – смущение оттого, что на нее обратили внимание.

Вайолет, очевидно, принимает ее молчание за застенчивость, потому что подмигивает Эппингу и санитару.

– Должно быть, подарок от кого-то особенного.

Теперь щеки и вовсе горят.

– Ха! Так и знала. Такие штучки женщины сами себе не купят, и я точно знаю, потому что – я рассказывала вам про?.. – И Вайолет делится очередной историей о поклоннике на трансатлантическом рейсе, который проникся к ней симпатией и хотел подарить любимый браслет своей матери. Но Энни теряет нить, она все еще касается броши и не поднимает глаз.

И зачем она только сегодня надела эту брошь? Наверное, ей просто нужно было крошечное напоминание о том, кто она такая.

Словно маленький золотой якорь.

Только теперь она вместо этого чувствует себя беззащитной и уязвимой, словно на груди пылает алая записка, как

в непристойном романе. Энни поднимает глаза и видит, что на нее смотрит Чарльз Эппинг, и на его мальчишеском лице мелькает веселье. Энни улыбается в ответ, и жар стекает с лица к груди и животу. Такой мужской взгляд всегда напоминал Энни огонь, отчасти несущий уют и тепло, отчасти – опасность.

Есть нечто зловещее в этом ощущении, в том, как он на нее смотрит. Во всех историях о призраках. Во всем духе этого корабля. В воспоминаниях, что постоянно вздымаются вокруг нее темной волной.

Нечто ужасающее, как будто похороненная, гниющая правда пробирается ей в душу, как поедающие мертвое тело личинки.

Думая о таком, овсянкой давиться невозможно, поэтому она встает и возвращает поднос.

* * *

Когда госпитальное судно прибывает тем же днем в Неаполь, дождь хлещет изо всех сил. Энни выходит на палубу вместе с горсткой медсестер: все жаждут ступить на землю после пяти дней в море. Город, что раскинулся за гаванью, выглядит грязным, убогим; дождь выкрасил все здания в коричневые и мокро-серые оттенки, темные переулки, спускающиеся по склону холма, испещряют город прожилками. В доках стаи детей, одетых в лохмотья, бегают от корабля к ко-

раблю, выпрашивая монеты или еду.

Чарли рассказывал Энни, что они остановились пополнить запасы угля и воды, однако она, выглянув за борт, замечает караван людей и носилок, приближающийся к трапу. Значит, новые раненые.

В условиях войны, бушующей по всему континенту, этот стратегический портовый город переполнен войсками. Их больница наверняка полна раненых. И медики, очевидно, не собираются упускать возможность передать самых тяжелых.

Энни прячется под плащом, мысленно начиная игру в исчезание – я здесь; я не здесь, – и ждет, когда старшая сестра Меррик решит, куда пойдет какой пациент и какая сестра сопровождает его в назначенную палату. Парад из раненых ковыляет к Меррик по одному, длинная очередь одетых в грязно-коричневое и оливково-серое в тон улицам, из которых они вышли. Многие на костылях, некоторые примотаны к носилкам. У всех одинаковые неживые лица, на них лежит печать контузии. Запахи – от них Энни всегда бросает в дрожь. Иногда солдаты проводят в окопах дни, даже недели в окружении собственных экскрементов, буйных крыс и останков погибших товарищей. Многие раны уже гноятся от шрапнели и грязи и настолько глубоки, что ничего нельзя поделать, кроме как удерживать несчастных, пока те кричат в разгорающейся лихорадке.

– Этого в палату Д, – говорит Меррик Энни и указывает на мужчину на носилках, будто Энни охотничья собака и долж-

на споро выбежать вперед по команде. Меррик ведет себя так, словно она директриса школы для девочек, а ее медсестры – послушные ученицы.

Энни рада подчиниться железной воле старшей сестры. Послушание – то, что всегда давалось ей легко. Почти всегда.

Она коротко кивает Меррик и бормочет «сюда, пожалуйста» санитарам, несущим носилки.

Ей, однако, грустно уходить из-под холодного дождя, который так напоминает о прежних временах, когда она была цельной, юной и совсем иной. Дождь всегда напоминал ей об этом, когда касался кожи. Словно поцелуй моря.

Взгляд Энни на мгновение останавливается на лице следующего в очереди, и на долю секунды ей кажется, что она знает его. В его лице нечто знакомое.

Нет. Это просто тоска, не более. Та же тоска, что заставляла ее видеть Марка по дороге из Ливерпуля в Саутгемптон, на вокзалах и углах улиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.